

Руслан Челпанов

Коэффициент живучести

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Челпанов

Коэффициент живучести

«Автор»

2026

Челпанов Р.

Коэффициент живучести / Р. Челпанов — «Автор», 2026

Руслан строил жизнь как логистику: маршруты, сроки, ноль сбоев. Одна наледь на ступени — и владелец транспортной империи оказывается там, где не работает ни один из его инструментов, кроме главного: умения наладить поставку. Вечное 25 июня 1942 года. Город, собранный из чужой боли. Небо из ржавой сетки. Время, остановленное на 10:45. Здесь память — валюта, вина — топливо, а мёртвая армия восемьдесят лет ждёт приказа, который так и не пришёл. Чтобы вернуться к жене и ещё не родившейся дочери, ему придётся заложить собственное будущее, поднять пары в паровозе, топливо которого нельзя называть вслух, и доставить единственный груз, который этот мир согласен принять, — самого себя. А в Москве тем временем идёт другая война: за его компанию, его счета и кнопку его аппарата ИВЛ. Человека нельзя восстановить из концентрата. Но можно проверить его коэффициент живучести.

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ. ИЩЕЙКА	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИНКУБАТОР	9
ГЛАВА 1. АЛГОРИТМ ПАДЕНИЯ	9
ГЛАВА 2. НУЛЕВАЯ КООРДИНАТА	13
ГЛАВА 3. КОЭФФИЦИЕНТ ЖИВУЧЕСТИ	19
ГЛАВА 4. ФАНТОМНАЯ ЖАЖДА	23
ГЛАВА 5. КООРДИНАТЫ РАССВЕТА	29
ГЛАВА 6. АУДИТ	34
ГЛАВА 7. ОПЕРАЦИЯ «ТУШЁНКА»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Руслан Челпанов

Коэффициент живучести

Глава

РУСЛАН ЧЕЛПАНОВ
**КОЭФФИЦИЕНТ
ЖИВУЧЕСТИ**

роман

Руслан строил жизнь как логистику: маршруты, сроки, ноль сбоев. Одна наледь на ступени — и владелец транспортной империи оказывается там, где не работает ни один из его инструментов, кроме главного: умения наладить поставку.

Вечное 25 июня 1942 года. Город, собранный из чужой боли. Небо из ржавой сетки. Время, остановленное на 10:45. Здесь память — валюта, вина — топливо, а мёртвая армия восемьдесят лет ждёт приказа, который так и не пришёл.

Чтобы вернуться к жене и ещё не родившейся дочери, ему придётся заложить собственное будущее, поднять пары в паровозе, топливо которого нельзя называть вслух, и доставить единственный груз, который этот мир согласен принять, — самого себя.

А в Москве тем временем идёт другая война: за его компанию, его счета и кнопку его аппарата ИВЛ.

Человека нельзя восстановить из концентрата. Но можно проверить его коэффициент живучести.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. ИЩЕЙКА 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИНКУБАТОР 8

ГЛАВА 1. АЛГОРИТМ ПАДЕНИЯ 9

ГЛАВА 2. НУЛЕВАЯ КООРДИНАТА 15

ГЛАВА 3. КОЭФФИЦИЕНТ ЖИВУЧЕСТИ 23

ГЛАВА 4. ФАНТОМНАЯ ЖАЖДА 29

ГЛАВА 5. КООРДИНАТЫ РАССВЕТА 38

ГЛАВА 6. АУДИТ 44

ГЛАВА 7. ОПЕРАЦИЯ «ТУШЁНКА» 53

ГЛАВА 8. ВАЛЮТА 63

ГЛАВА 9. ОБХОДЧИК 73

ГЛАВА 10. ФЬЮЧЕРС НА ДУШУ 81

ГЛАВА 11. ВЕКТОР АТАКИ 90

ГЛАВА 12. ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРАМ 98

ГЛАВА 13. ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПАРОВОЗ 109

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МАГИСТРАЛЬ 117

ГЛАВА 14. ГРАФИК ДВИЖЕНИЯ 118

ГЛАВА 15. ПОРЯДОК ФОТОГРАФИЙ 124

ГЛАВА 16. РАЗЪЕЗД «ШТАБ» 130

ГЛАВА 17. ДНЕВНИК АДЪЮТАНТА 137

ГЛАВА 18. МЯСНОЙ БОР 143

ГЛАВА 19. КОНДУКТОР 150

ГЛАВА 20. ФОРС-МАЖОР	157
ГЛАВА 21. ГАНГРЕНА	164
ГЛАВА 22. ТИХАЯ ГАВАНЬ	171
ГЛАВА 23. ЛИТЕРНЫЙ	178
ГЛАВА 24. СПЯЩИЙ АКТИВ	185
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТРИБУНАЛ	191
ГЛАВА 25. ПОСЛЕДНЕЕ ПЛЕЧО	192
ГЛАВА 26. МАРЖИН-КОЛЛ	198
ГЛАВА 27. ТОЧКА ОБМЕНА	204
ГЛАВА 28. ЭПИЦЕНТР	210
ГЛАВА 29. ТРИБУНАЛ. 10:45	217
ГЛАВА 30. ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ	225
ГЛАВА 31. ПРОБУЖДЕНИЕ	231
ГЛАВА 32. САНАЦИЯ	236
ЭПИЛОГ. ПРЯМОЙ ОТЖИМ	241

ПРОЛОГ. ИЩЕЙКА

Мир пах мокрым железом и остывшей гарью.

Запах этот не выветривался никогда. Он не был погодой — он был свойством, как цвет или вес. Он въедался в поры, оседал на языке привкусом медной монеты, и Пашка давно перестал его замечать — так не замечают собственного пульса. Замечают чужой.

Пашка сидел на краю воронки и ждал темноты, хотя ждать её было незачем: она приходила без расписания и без него. Днём здесь — если верить геометрии этого проклятого места — был окоп: бруствер, ход сообщения, стрелковая ячейка, всё честь по чести. Ночью границы стирались. Под ногами оставалась только вязкая, пружинящая пустота, твёрдая, как асфальт, и холодная, как лёд, и по ней нельзя было сказать, где кончается земля и начинается то, из чего её слепили.

До проявки — до того часа, когда серый свет снова нальётся в мир, как вода в отпечаток сапога, — оставалось часа три. Может, четыре. Здесь никто не считал точно. Точно здесь считали только чужое.

Он достал из-за пазухи её.

Маска была тёплой. Она всегда оставалась тёплой, что бы ни творилось вокруг, — словно помнила кровоток. Пашка провёл пальцем по гладкой, желтоватой поверхности. Ни глазниц. Ни рта. Ни шва. Сплошной лоскут кожи, натянутый на невидимый каркас.

Его кожи. Со спины.

Он помнил, как срезал её — не помнил только, какой это был год, потому что годы здесь лежали не по порядку, как документы в разграбленном архиве. Помнил нож, помнил, что рука не дрожала, помнил, что боль показалась честной ценой. Платой за входной билет. Все здесь платили за вход — просто большинство не знало, что уже заплатило, и чем.

В царстве слепого Майора зрение — грех. Зрение — боль. Хочешь видеть истину — закрой глаза и дыши.

Пашка не просто служил. Пашка был носом этого мира. Хозяин был слеп и глух к нюансам; хозяин желал одного — найти момент. Тот самый, единственный, застрявший, как кость в горле, из-за которого всё это и крутилось. Но чтобы найти иголку в стоге сена, нужно перебрать все соломинки — по одной, руками, восемьдесят лет.

Пашка был тем, кто перебирал.

Он искал «неправильных» людей. Свежаков, чьи истории могли оказаться ключом к финалу этой бесконечной пьесы, — и за восемьдесят лет ключей не нашлось ни одного. Ненавидел ли он свою работу? Пожалуй. Так ненавидят единственное, что умеют. Но глубоко под ненавистью, там, куда не доставал даже хозяин, лежала надежда — старая, слежавшаяся, как сухарь в вещмешке: однажды он найдёт того, кто разорвёт круг.

И тогда Ищейка сможет просто уснуть.

Больше ему ничего не было нужно. Ни ордена, ни прощения, ни двери. Только лечь — и чтобы никто не будил.

Пашка приложил маску к лицу.

Влажная изнанка чвакнула, прилипая к щекам, лбу, подбородку, — как всегда, с готовностью, с жадностью, от которой его когда-то мутило, а теперь не мутило, и это было хуже всего. Мир мгновенно изменился. Исчезла серая муть. Пропали звуки. Появились запахи — объёмные, цветные, они висели в воздухе лентами, слоями, целой картотекой, и Пашка читал их, как диспетчер читает график.

Вот пахнет гнилой водой и торфом — там болота, сорок вёрст дурного места.

Вот пахнет старой смазкой и окалиной — там «Тигр», намертво застрявший в текстурах кирпичной стены, наполовину зверь, наполовину декорация.

Вот пахнет карболкой — прошёл санитарный литер, повёз своё по кругу.

А вот...

Пашка дёрнул головой.

Тонкая, едва уловимая струйка на самом краю картотеки. Не порох. Не кровь. Не страх — страх он знал наизусть, страх был здесь фоном, как гарь.

Лимон.

Запах был таким слабым, что мог оказаться галлюцинацией, — если бы Ищейкам полагались галлюцинации. Пашка замер. Сердце, давно разучившееся биться ровно, ёкнуло и пошло вразнос. Лимон. Кислый, солнечный, невозможный. К нему примешивалась заварка, дешёвый чай, и что-то ещё — тёплое, тканевое... Жёлтая скатерть в цветочек? Откуда он вообще помнил, что такие бывают.

Это был запах не отсюда. Запах кухни, в которой кого-то ждут.

Свежаки воняли страхом — все, одинаково, страх перешибал любую личность, как хлорка. А этот пах чужим домом. Сквозь ужас, сквозь кровь, сквозь мокрое железо — лимоном и заваркой. Пашка знал, что это значит, хотя за восемьдесят лет встречал такое однажды, и то издали: новичка там, снаружи, держат. Не оплакивают — держат. Якорем. А тот, кого держат, не тонет до конца.

Такой может оказаться не соломинкой.

Такой может оказаться иголкой.

— Новенький, — прогнусавил он под маской, и маска съела звук, не выпустив наружу. — И не просто мясо. Проводник.

Земля под ногами дрогнула. Едва заметно — так, словно глубоко внизу, под всеми этажами этой тьмы, прошёл поезд метро, которого здесь не было и быть не могло.

Проснулся.

Майор вышел на охоту. Он не ходил ногами — он перетекал сквозь пространство, влекомый, как слепой корень влаги, всяким проблеском чужого света. Хозяин почувствовал то же, что и Пашка, — только иначе: как зуд в ампутированной конечности. Что-то свежее упало в его землю. Что-то, в чём ещё не выжжено.

Ищейка поднялся.

Колени хрустнули — за восемьдесят лет даже у функции появляются привычки тела. Он повёл маской по ветру, взял нить лимонного следа и пошёл, привычно вихляя, экономя силы, срезая по мёртвым траншеям, — быстро, потому что нужно было успеть раньше хозяина, раньше патрулей, раньше теней.

Не чтобы спасти. Спасать здесь было не в его тарифе.

А чтобы проверить: тот ли это ключ, который откроет наконец дверь на выход, — или очередная пустышка, которую мир перемелет за неделю, и придётся снова садиться на край воронки, и ждать, и нюхать гарь, и перебирать соломинки.

Пашка очень надеялся, что ключ.

Он так давно хотел спать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИНКУБАТОР

ГЛАВА 1. АЛГОРИТМ ПАДЕНИЯ

Руслан не любил осень.

Не ту, что на глянцевых календарях, — золотую, с тыквенным латте и пледами, — а настоящую московскую: мокрую, серую, десятибалльную. Осень приносила хаос. Город вставал в пробках, аэропорты уходили в задержки, курьеры опаздывали, водители болели, а люди делались раздражительными и медлительными, как механизмы на морозе.

Для его бизнеса осень означала шторма. В прямом смысле: где-то в проливах и на рейдах вставляли суда с его грузами, и каждый день простоя капал неустойкой, как вода из неисправного крана — на нервы.

А началось это утро правильно. По регламенту.

Шесть сорок. Кухня, тишина, серый рассвет за окном. Руслан достал из холодильника пачку сока — оранжевую, глянцевую, с честной надписью мелким шрифтом: «восстановленный». Налил полстакана, глотнул и поморщился.

Концентрат. Похоже на апельсин, пока помнишь настоящий вкус. Сладко, ровно, мёртво. Он допил из принципа — не выбрасывать же — и подумал привычную утреннюю мысль, за годы отлитую в формулу: вся разница между жизнью и её имитацией — это разница между прямым отжимом и концентратом. В бизнесе, в людях, в соке. Главное — не дать себя восстановить.

На дверце холодильника, под магнитом-якорем, висел квадратный снимок с белыми полями: прошлогодний Босфор, чайки, туман. Остальные снимки жили у него в кабинете, на пробковой стене, — но этот Женя выкрала и унесла домой. «Должно же и у холодильника быть что-то человеческое», — сказала она тогда.

Женя вышла из спальни, когда он завязывал галстук, — сонная, тёплая, в его футболке, натянутой на живот, как на глобус.

— Дирижабль к вылету не готов, — сообщила она, зевая. — Дирижабль будет спать до обеда.

— Дирижаблю положен приказ по экипажу, — Руслан положил ладонь ей на живот. Изнутри, точно в ладонь, стукнуло. — О. Экипаж не спит.

— Экипаж с пяти утра отбивает чечётку. Вся в тебя: подъём ни свет ни заря и сразу планёрка. — Она накрыла его руку своей. — Купи вечером апельсинов, ладно? Настоящих.

— Значит, вечером — прямой отжим, — сказал Руслан.

Он ещё не знал, что запомнит это утро наизусть. До последней мелочи. На всю жизнь — и не на одну.

Домой он вырвался только к ночи.

День сожрал сам себя, как всегда в октябре: две отгрузки, одна таможня, три совещания, из которых полезным было ноль целых пять десятых. В двенадцатом часу он стоял на эскалаторе станции «Чистые Пруды», поднимаясь к выходу, и вокруг текла редкая, ночная, уставшая толпа — люди с погашенными лицами, каждый со своим невыполненным планом за плечами.

В кармане пальто настойчиво вибрировал телефон.

Руслан достал его, взглянул на экран. Кирилл, начальник логистики. Третий звонок за десять минут. По их внутреннему коду это означало: случилось не «проблема» — случилось «горим».

— Да, — коротко сказал он, прижимая трубку к уху.

— Руслан Алексеевич, у нас ЧП, — голос Кирилла дрожал и был при этом старательно ровным: так говорят люди, которые уже час репетировали этот звонок. — Порт Мерсин закрыли. Штормовое предупреждение на трое суток, семь баллов, гавань не принимает. Контейнеровоз разворачивают на рейд. А у нас там арматура для «Северного потока-3» — та самая, немецкая, что идёт через турецкого покупателя. Если судно зависнет на рейде, начнутся вопросы. Чей груз. Почему такая схема. Кому в итоге едет.

— И?

— И неустойка будет космическая, — судя по паузе, Кирилл уже держал перед глазами таблицу с этим космосом. — Юристы говорят, форс-мажор не прокатит: порт закрыт, но маршрут выбирали мы. И ещё. «Вектор» уже в курсе. Глеб звонил нашим партнёрам. Час назад. Предлагал перехватить заказ — говорит, у него свободные борта в Новороссийске и «более предсказуемая логистика».

Руслан поморщился, как от того утреннего сока.

«Вектор». Стервятники в белых сорочках. Глеб кружил вокруг MLT Ltd уже полгода — аккуратно, вежливо, с бесконечными «давайте пообедаем», — и ждал момента, когда Руслан оступится. Скупал слухи, прикармливал чужих менеджеров, дважды пытался зайти через банк. Падальщик не охотится. Падальщик умеет ждать.

Час назад узнал про шторм. Значит, слушает их кухню ближе, чем следовало бы.

— Глеба в скип, — спокойно сказал Руслан. — Слушай сюда. Забудь про Мерсин. Мерсина больше нет.

— Но у нас там контракт...

— К чёрту контракт. Разворачивай судно на Искендерун.

— Руслан Алексеевич, там частный терминал! Они не берут без заявки за неделю. И тариф двойной.

— Возьмут, — перебил Руслан. — Кирилл, ты мыслишь инструкциями, а надо мыслить деньгами. У любых ворот есть человек, который решает, кому они открыты. В Искендеруне этого человека зовут Драган, и три года назад я вытащил его партию из-под ареста в Констанце, когда все остальные сделали вид, что незнакомы. Позвони ему. Скажи, что я лично прошу. И предложи тройной тариф — за срочность и разгрузку ночью.

В трубке повисла тишина. Слышно было, как Кирилл дышит и считает.

— Тройной?.. Мы сожжём всю маржу по сделке. Мы сработаем в ноль.

— Мы сработаем в ноль, но сохраним репутацию и контракт с «Газом». А Глеб останется ни с чем — со своими свободными бортами и предсказуемой логистикой. — Руслан переступил с эскалатора на твёрдое. — Потерять деньги — не страшно. Деньги — расходник, они для того и существуют, чтобы их иногда терять. Потерять имя — конец. Действуй.

Он нажал отбой.

Никакой магии. Никаких таблиц в голове, никакого озарения. Простое решение: пожертвовать тактической прибылью ради стратегической позиции — то, на что наёмные менеджеры не решаются никогда, потому что наёмным за это не платят. А владельцу за это платят всем: именем, сном, годами.

Двадцать лет он строил из хаоса порядок. Из штормов — графики. Из «невозможно» — «принято в работу». Где-то в мире прямо сейчас плыли, ехали и летели сотни тонн груза, за которые он отвечал головой, и все они двигались, потому что один человек на выходе из метро сказал в трубку четыре предложения. Руслан любил это чувство больше, чем деньги. Чувство стратега, у которого сходится всё.

Он вышел из стеклянных дверей метро, и улица встретила его зарядом мокрого снега в лицо. Ветер рвал полы кашемирового пальто, гнал по асфальту размокшие листья и обрывки чьих-то реклам.

Ему было тридцать семь. Он построил компанию с нуля, пережил три кризиса, дефолт партнёра и наезд силовиков. Он привык, что любая проблема имеет решение — вопрос лишь в цене, а цену он умел считать быстрее всех в комнате.

Телефон пискнул снова. Телега.

«Ты где? Мелкая буянит. Требуется апельсинов. Срочно. Иначе мы устроим революцию».

Руслан улыбнулся — и почувствовал, как усталость, накопившаяся за день, оседает, будто мусть в отстоявшейся воде.

Женя.

Единственный человек, с которым не работали его жёсткие правила. Она была его хаосом и его якорем одновременно — единственным местом на земле, где он мог перестать быть «директором» и побыть просто мужиком, который не умеет складывать пододеяльник.

Он набрал её.

— Революция отменяется, — сказал он вместо приветствия. — Я у «Азбуки Вкуса». Сейчас куплю.

— Только фрэш! — голос жены был капризным и тёплым разом, как бывает только у очень любимых. — Тот, что в бутылках, кислый. Пусть выжмут при тебе.

— Понял. Прямой отжим. Как ты себя чувствуешь?

— Спина отваливается. Ноги отеки. Руслан, я чувствую себя дирижаблем.

— Ты самый красивый дирижабль в мире.

— Подхалим. Давай быстрее. Мы ждём. Люблю тебя.

— И я вас.

Он спрятал телефон. До дома оставалось всего ничего: перейти на ту сторону, зайти в магазин, взять сок — и через пятнадцать минут он будет в тепле, в запахе её духов, в единственном месте, где график можно выключить.

Руслан ускорил шаг — уверенно, без фанатизма, обходя лужи, чтобы не убить обувь. Мыслями он был уже не в порту Искендерун. Он думал, что надо бы купить Жене цветы. Просто так, без повода. Он всегда думал про «просто так» — и почти всегда откладывал на завтра, потому что сегодня был график.

Маршрут он просчитал на автомате, как просчитывал всё.

Такси? Три минуты ожидания плюс крюк по односторонке — пешком быстрее. Зонт? Мокрый снег летел горизонтально, зонт в такой ветер — парус, а не защита. Верхний переход? Двести метров лишних и вечная толпа у ларьков. Оптимально: напрямую, через подземный.

Алгоритм выдал маршрут за полсекунды. Безупречный. Как все его решения в тот день: развернуть судно — верно; тройной тариф — верно; Глеба в спам — верно. Три безошибочных хода подряд.

Четвёртым он выбрал лестницу.

Он подошёл к гранитной лестнице подземного перехода. Ступени блестели от дождя и реагентов — чёрный, полированный тысячами подошв гранит, по которому город спускался под землю сто раз на дню и сто раз поднимался.

Руслан поставил ногу на первую ступень. Обычное движение, которое он делал тысячи раз.

Но кожаная подошва нашла микроскопическую наледь — тонкую, невидимую, первую в этом году.

Сцепление исчезло.

Это не было как в кино. Время не замедлилось. Жизнь не пронеслась перед глазами — не успела бы при его-то жизни.

Просто мир резко дёрнулся.

Руслан взмахнул руками, ловя равновесие, — и не поймал: инерция уже выбрала направление, а тяжёлый рюкзак с ноутбуком сыграл роль груза на стреле, доворачивая его назад и вниз. Тело ещё боролось. Голова уже считала.

И в эту последнюю рабочую секунду он подумал совершенно дурацкую, бытовую, логистическую вещь:

«В рюкзаке контракт. Если разобью ноут — восстанавливать данные полдня».

Удар.

Затылок встретился с острым ребром ступени.

Звук был коротким, глухим и страшным. Хруст, который нельзя перепутать ни с чем — даже если никогда его не слышал: тело узнаёт такие звуки без словаря.

Вспышка.

Яркая, бело-синяя, ослепительная вспышка внутри черепа — словно перегорела гигантская лампа, освещавшая всё сразу.

Контроль исчез.

Бизнес, «Вектор», шторм в Мерсине, тройной тариф, апельсиновый сок — весь его безупречный, сведённый до копейки график стёрло одним ударом, как стирают мел со стенки мокрой тряпкой.

Руслан лежал на спине, неестественно подвернув ногу. Ледяная вода затекала за воротник — деловито, буднично, как затекает во всё, что лежит.

Он смотрел в небо.

Низкое, тяжёлое московское небо начало закручиваться в воронку. Фонари расплывались в мутные жёлтые пятна, и пятна дрожали, как отражения в тёмной воде.

— Парень! Тебе плохо?! — чей-то голос, далёкий, как из-под воды. Шаги. Ещё голос.

Руслан попытался сказать: «Я в порядке, просто ушибся». Двадцать лет он говорил «я в порядке» на любую пробоину — привычка сработала бы и сейчас.

Но губы не слушались. Тело стало чужим, тяжёлым, ватным — грузом, у которого истёк срок ответственного хранения.

Темнота накатывала с краёв зрения, сужая мир до маленькой точки, и в этой точке, в самом её центре, он на секунду увидел лицо Жени.

«Прости, — подумал он, проваливаясь в ничто. — Я не купил сок».

Темнота сомкнулась.

Телефон вылетел из кармана при ударе и лежал теперь в шаге от его руки, экраном вверх, в чёрной луже. По стеклу разбежалась паутина трещин.

Сквозь паутину светился вызов: «Женя ♥».

Телефон вибрировал, полз по луже короткими рывками, звал — раз, другой, третий, — и гудки уходили в мокрый гранит, в ночь, в спины замершим прохожим.

Никто не успел ответить.

Руслан Алексеевич, владелец MLT Ltd, перестал существовать в этом мире.

ГЛАВА 2. НУЛЕВАЯ КООРДИНАТА

Сначала не было ничего.

Ни боли, ни света, ни звука, ни верха, ни низа. Абсолютный, стерильный ноль — такой полный, что в нём не было даже темноты: темнота — это уже что-то, темноту можно видеть.

«Я умер?» — мысль прозвучала отстранённо, без паники. Просто гипотеза, требующая проверки. Первая строка в новом списке задач.

Если это смерть, подумал он, то организована она чертовски неэффективно. Ни туннеля, ни света, ни ангелов с ведомостью. Просто выключили монитор. Даже логотипа не показали.

Потом пришёл звук.

Не внешний шум — вибрация. Она родилась где-то глубоко, ниже слуха, на уровне костей, и пошла вверх, собирая его по дороге, как собирает магнит рассыпанные скрепки.

Дззз... Дззз...

Низкая, противная дрожь. Так гудят высоковольтные трансформаторы. Так ноют плохо заземлённые серверные шкафы. Так звучит ток, которому тесно.

Вместе с вибрацией вернулось тело — и это оказалось худшим этапом загрузки.

Тело болело. Всё, сразу, без иерархии: каждая клетка вопила о повреждениях, как склад, на который одновременно пришло сто рекламаций. Казалось, его разобрали на запчасти, пропустили через мясорубку и собрали обратно — торопливо, по памяти, забыв половину крепежа. Рёбра давили на лёгкие. Ноги казались вывернутыми в чужую сторону. Затылок... про затылок он старался не думать: там, где положено быть затылку, стояла глухая, ватная, страшная тишина.

Руслан сделал вдох.

Воздух был густым, тяжёлым, с металлическим привкусом — как вода из старой трубы. Он обжёг гортань холодом и лёг в лёгкие неохотно, как ложится в кузов негабарит.

Руслан закашлялся. Звук вышел глухим, плоским, без эха — словно он лежал в коробке, обитой войлоком. Мир не отражал звуков. Мир их принимал и не возвращал.

Он открыл глаза.

Темнота не исчезла. Она просто стала объёмной — из отсутствия света превратилась в субстанцию: густую, маслянистую, с весом. Она давила на глазные яблоки, как давит вода на глубине, и где-то в ней, далеко-далеко, жила та самая вибрация.

— Где я? — прохрипел он. Голос сорвался на сип и утонул в войлоке.

Так. Стоп. Без паники.

Это был его рабочий режим, отработанный тремя кризисами и одним обыском: когда горит всё — не туши всё. Составь описание. Он даже усмехнулся разбитыми губами: тело в хлам, мир выключен, а привычка проводить инвентаризацию — целёхонька. Видимо, её хоронят последней.

Он начал с себя. Приёмка груза, подумал он. Груз: один человек, б/у, состояние после падения. Тара повреждена. Проверяем содержимое.

Руки — двигаются. Обе. Пальцы — все, отзываются. Ноги — левая тупая, но живая; правая целая. Он ощупал голову — осторожно, готовясь к худшему. Волосы слиплись от чего-то густого. Боли под пальцами не было. Раны не было. Хруст был — он помнил хруст так ясно, как помнят подпись под приговором, — а раны не было.

Это не сходилось. Он отложил это в раздел «расхождения по описи» и продолжил.

Пальто — кашемир превратился в мокрую, липкую тряпку, пахнущую глиной и почему-то гарью. Брюки порваны на колене. Левого ботинка нет — только мокрый носок, уже не чувствующий холода. Рюкзак... плечи были свободны. Рюкзак с ноутбуком и контрактом остался

там — на ступенях, в другой жизни, в той секунде, где он ещё считал полдня на восстановление данных.

Он сунул руку во внутренний карман — и пальцы нащупали холодный, гладкий прямоугольник.

Телефон.

Сердце подпрыгнуло и застучало. Связь — это ресурс. Связь — это карта, компас, фонарь и голос Жени, всё в одном корпусе.

Он выхватил смартфон. Экран цел? Пальцы нашарили паутину трещин — от угла до угла, мелкую, как изморозь. Он нажал кнопку.

Экран вспыхнул — ярко, знакомо, яблоком, — и Руслан на секунду увидел свои руки, серые, в глине, с чёрными ногтями. А потом изображение пошло цветными полосами, задёргалось, рассыпалось в цифровой шум.

И из динамика раздался звук.

Не рингтон. Не системный сигнал. Скрежет — тихий, отчётливый, металлический, словно кто-то царапал гвоздём по стеклу с той стороны экрана. Изнутри. Терпеливо, не переставая, как царапают очень давно.

Батарея, заряженная с утра на восемьдесят процентов, мигнула красным сектором и погасла. Гаджет умер у него в руке — быстро и окончательно, как умирает всё, что попадает не в свою юрисдикцию.

Первым порывом было швырнуть бесполезный кусок стекла и металла в темноту. Выплеснуть хоть что-то.

Руслан занёс руку — и остановился. Рука висела в темноте, дурацкая, с зажатым телефоном, а в голове уже стрекотал счётчик:

«Стоп. Ресурсами не разбрасываются. Стекло — режущий инструмент. Корпус — металл. Аккумулятор может ожить. Фонарик может заработать. Мёртвый актив — тоже актив, если правильно оприходовать».

Он убрал телефон обратно во внутренний карман, ближе к сердцу, — и потом, много позже, так и не смог себе объяснить, почему именно туда.

Что-то тускло засветилось у самого запястья, когда он одёргивал рукав.

Часы. Швейцарская механика, подарок себе за первый миллион, — люминесцентные метки на стрелках жили своим слабым, болотным светом, единственным светом в этом мире. Руслан поднёс запястье к глазам.

Без двадцати двенадцать.

Стрелки стояли. Все три. Секундная замерла между делениями — не дошла, не дотянула, застыла на полушаге, как человек, которого окликнули. Он машинально встряхнул руку. Приложил часы к уху.

Механизм молчал. Механика не разряжается — механика идёт, пока идёт время.

Руслан очень медленно опустил руку.

— Эй! — крикнул он в темноту. — Есть кто-нибудь?!

Тишина.

Абсолютная, мёртвая, войлочная. Ни ветра, ни города, ни капли, ни собаки. Только звон в ушах и та далёкая вибрация в земле — дззз, дззз, — ровная, как промышленный цикл.

Руслан, шатаясь, поднялся на ноги. Голова качнула мир, тошнота подкатила и отступила. Он стоял в темноте на одной обутой ноге, мокрый, разбитый, слепой, — и делал то единственное, что умел делать в любом состоянии.

Считал.

Дано. Темнота: полная, свет не работает, кроме люма на мёртвых часах. Дезориентация: полная, звук не отражается, стороны света отсутствуют. Травмы: по ощущениям — тяжёлые, по факту осмотра — не подтверждаются. Расхождение.

Версии. Первая: кома, и всё это — бред повреждённого мозга. Против: бред не бывает таким скучным и таким холодным. Вторая: похищение — ударили, вывезли, бросили в подвал. Против: подвалов такого размера не бывает, у любого подвала есть эхо. Третья...

Он поднёс ладонь к лицу. Ближе. Ещё ближе — пока не коснулся носом кожи.

Ничего. Ни силуэта, ни движения тени.

«Ослеп? Чёрт».

Паника — холодная, липкая, профессионально задавленная годами — начала подниматься из живота, как грунтовая вода. Слепой. Один. Неизвестно где. Без связи, без времени, без...

Стоп, сказал он себе. Опись не закончена. Паника — после инвентаризации. По регламенту.

Он сделал шаг вперёд — осторожно, выставив ногу в носке, прощупывая почву, как щупают дно.

Правый ботинок за что-то задел.

Дзынь.

Звук был крошечный, но в этой войлочной глухоте он прозвучал, как выстрел: тонкий, чистый, струнный. Что-то на уровне щиколотки спружинило от мыска и вернулось на место. Руслан замер на полушаге, весь превратившись в слух.

Тишина. Только вибрация в земле — и, показалось, она на секунду сбилась с ритма. Прислушалась.

Он присел. Медленно повёл рукой понижу — и пальцы нашли это: тонкую, туго натянутую нить на высоте ладони от земли. Как струна рояля. Как проволока. Она была холодной, металлической — и она мелко, непрерывно дрожала, будто по ней шёл ток или далёкая-далёкая музыка.

Он осторожно, самыми подушечками, повёл пальцем вдоль.

Боль пришла сразу — резкая, чистая, хирургическая. Безымянный палец правой руки обожгло, как лезвием, у самого основания.

Руслан отдернул руку и сунул палец в рот. Кровь — солёная, металлическая, настоящая. Первая настоящая вещь в этом мире.

— Острая, — прошептал он. — Как леска под напряжением. Кто натягивает лески в темноте...

Он не договорил. Он вдруг очень ясно понял, что не хочет знать ответ на этот вопрос — по крайней мере, не сейчас, не здесь, не на её высоте.

Дальше он двигался на четвереньках.

В темноте безопаснее низко: центр тяжести у земли, руки щупают раньше, чем наступит нога. Он полз, выставив вперёд здоровую руку, как слепой котёнок, и мир сузился до радиуса этой руки. Грязь. Камень. Кусок арматуры — он взял его, взвесил, выронил: тяжёлый, неудобный, ржавый в труху. Снова грязь. Лужа, от которой пахло не водой. Опять грязь.

Сколько прошло времени, он не знал. Час. Два. Здесь не было времени — его часы стояли на без двадцати двенадцать, и он начал подозревать, что стоят они не потому, что сломались.

А потому, что показывают точно.

Холод пробирался под пальто методично, по-бухгалтерски: сначала пальцы, потом колени, потом поясница. Руслан полз и вёл в голове счёт — шагов, ссадин, минут по внутреннему метроному, — не потому, что счёт был нужен, а потому, что счёт был им. Пока считаешь — ты не груз. Пока считаешь — ты диспетчер.

Рука упёрлась во что-то твёрдое и вертикальное.

Стена. Холодный, шершавый бетон, из которого крошками торчал щебень. Настоящая, тёплая по сравнению со всем остальным, честная стена.

Он развернулся и сел, прижавшись к ней спиной. Хоть какая-то опора. Твёрдая точка.

«Нулевая координата, — подумал он. — Точка отсчёта: стена. Ось икс — вдоль. Ось игрек — куда ползти не надо. Начало системы координат положено считать установленным».

Его колотила дрожь — крупная, неостановимая: шок отходил, и на его место, деловито распаковываясь, въезжало осознание катастрофы.

«Женя, — подумал он, и мысль была не тёплой — мысль была ледяной, служебной, и от этого ещё более страшной. — Если я здесь — значит, меня там нет. Меня там нет, а там: счета, которые заморозят. Доверенности, которые аннулируются. Контракт, который повиснет. „Вектор“, который сожрёт компанию за год. И она. Одна. На шестом месяце. С революцией, требующей апельсинов».

Он сжал кулаки — порезанный палец отозвался живой, полезной болью.

Бессилие бесило его больше страха. Страх был понятен, страх был штатной эмоцией при нештатной ситуации. Но он двадцать лет строил жизнь так, чтобы контролировать всё, до последней накладной, — а сейчас не контролировал даже собственные координаты. Груз без сопроводительных документов. Отправитель неизвестен. Получатель не указан.

И тут слева, в непроглядной мути, что-то изменилось.

Сначала — запах. Слабый, но отчётливый: жжёная резина и озон. Так пахнет после короткого замыкания. Так пахнет воздух, по которому только что прошёл ток.

Руслан повернул голову.

В темноте, метрах в двадцати, вспыхнула искра.

Синяя, холодная, короткая. Она пробежала по воздуху — не вниз, как молния, а вбок, по горизонтали, словно по невидимому кабелю, — и погасла, оставив на сетчатке дрожащий след.

— Свет, — выдохнул он.

Он попытался встать — ноги затекли и не послушались, — и пополз на искру, сдирая колени о невидимые камни, не чувствуя, торопясь, как ползут на маяк.

Искра вспыхнула снова. Ближе. И в её мгновенном синем свете Руслан увидел то, чего предпочёл бы не видеть: это был не фонарь и не проводка.

Это сама тьма трескалась. Лопалась по шву, как лопается перетянутая ткань, пропускала сквозь себя разряд — и срасталась обратно.

Он полз. Искры вспыхивали то ближе, то дальше, темнота как будто редела — или глаза наконец начали брать хоть что-то, — и вдруг его рука, выброшенная вперёд, провалилась в пустоту.

Руслан замер, балансируя на краю. Сердце ударило в горло.

Он осторожно ощупал кромку. Обрыв. Ровный, длинный, уходящий в обе стороны — не яма, а край. Терраса. Из глубины тянуло могильным холодом, сыростью — и звуком.

Снизу шёл гул. Ритмичный, тяжёлый, мерный.

Бам... Бам... Бам...

Так работает гигантский пресс. Так штампуют что-то в недрах земли — деталь за деталью, без перекуров, третью смену подряд. Восьмидесятую смену подряд.

Руслан лёг на живот у кромки и стал смотреть вниз. Глаза привыкали — или темнота внизу была другой породы: жиже, с багровым отливом, идущим ниоткуда, как свечение гнилушек.

И тогда он увидел.

Далеко внизу, по дну этой бездны, двигались люди.

Сотни. Может, тысячи — колонна уходила в темноту в обе стороны, и не было ей ни головы, ни хвоста. Они шли молча, ссутулившись, волоча ноги, плотной серой массой, и багровый свет выхватывал их по частям: плечо, каску, согнутую спину, снова плечо.

Зрение — тренированное годами приёмок зрение человека, который с одного взгляда на паллету видит недостачу, — автоматически выхватывало детали. И лучше бы не выхватывало.

Шинели. Ватники. Бушлаты. Гимнастёрки без ремней. У одного из идущих не было головы — ровный, аккуратный срез по воротнику, и он шёл, не сбиваясь с шага, как будто голова была необязательной опцией. Другой нёс собственную руку под мышкой — бережно, как свёрток с покупками. У третьего грудная клетка была развороченной, и сквозь рёбра, там, где положено быть тёмному, просвечивала пустота — та самая, из которой всё здесь было слеплено.

Они шли не в ногу — но в такт. Бам. Бам. Тысячи подошв, один пульс.

— Господи... — прошептал Руслан.

Это не бред, подумал он с той страшной трезвостью, которая хуже любой паники. Бред не бывает таким подробным. Мозг в агонии не рисует грязь на ботинках, не рисует, как крайний в ряду оступается на камне и его молча, не глядя, поддерживают под локоть. Бред — это хаос. А здесь был порядок. Здесь был конвейер.

Поток входящего сырья. Приёмка работает круглосуточно.

И его, Руслана, выгрузили на этот же терминал — просто ярусом выше. На склад временного хранения, куда свозят списанные единицы. Партиями. Восемьдесят лет.

Страх ударил под дых — настоящий, животный, без регламента.

Руслан отполз от края, вжался в нишу между бетонными плитами, сжался там, как сжимаются под обстрелом, которого никогда не слышали, но который помнит спинной мозг. Хотелось закричать. Завыть в голос, по-детски, чтобы пришёл кто-то большой и всё выключил.

Он стиснул зубы так, что заныли скулы.

«Крик привлекает внимание, — сработало что-то глубже мысли. — Ты не знаешь правил этого места. Не знаешь тарифов. Не знаешь, кто здесь принимает грузы. Не шуми. Наблюдай. Считай».

Он сидел в грязи — мокрый, дрожащий, без ботинка. Директор международной компании, человек, у которого вчера — вчера? — сходилась годовая план. Вся его империя, все его рычаги, счета, связи, Драган в Искендеруне и юристы на сорок третьем этаже — всё осталось по ту сторону хруста. Здесь у него было: одно пальто, один ботинок, один мёртвый телефон, одни стоящие часы.

И боль в порезанном пальце.

Он сунул палец в рот, чувствуя солёный вкус собственной крови, и держал так, как держат единственный документ, подтверждающий личность.

Пока болит — я жив. В каком-то смысле. По какой-то ведомости.

Пока я мыслю — я могу найти выход.

«Это система, — сказал он себе, глядя из своей ниши на багровое шевеление внизу, на бесконечную молчаливую колонну. — Огромная, старая, отлаженная система. А у любой системы есть вход, выход и аварийный сброс. Есть узлы, есть маршруты, есть диспетчер. Мне не нужно её понимать целиком. Мне нужно найти схему. Схему — и того, кто читал её до меня».

Где-то немыслимо далеко, за темнотой, за колонной, за всем, — один раз, коротко и низко, прогудело.

Как поезд. Как самый обычный, товарный, ночной поезд, дающий гудок на глухом переезде, — звук из мира, где есть расписания.

И телефон во внутреннем кармане, мёртвый, разбитый, отозвался: скрежетнул. Один раз. Тихо. Как будто там, за треснувшим стеклом, кто-то поднял голову на тот же гудок.

Руслан замер, прижав ладонь к карману, к теплу, которого там не должно было быть.

Он закрыл глаза и попытался представить лицо Жени — чтобы успокоиться, чтобы взять её с собой в эту ночь. Но вместо её лица в темноте под веками вспыхивали синие искры, тянулись струны на высоте ладони от земли и шла, шла, шла вниз бесконечная серая колонна.

Смена началась.

И он был в ней совершенно один — новая единица на балансе, ещё не оприходованная, ещё без бирки.

Ключевое слово — ещё.

ГЛАВА 3. КОЭФФИЦИЕНТ ЖИВУЧЕСТИ

Москва. 20 октября 2025 года. НИИ скорой помощи имени Склифосовского.

Запах больницы не имел ничего общего с тем, что показывают в сериалах. Там пахнет стерильностью и надеждой. Здесь пахло хлоркой, переваренной капустой из пищеблока и въевшимся в краску стен страхом — многолетним, наслоённым, как сама краска: страх пятидесятих, страх девяностых, страх сегодняшней ночи. Этот запах забивал ноздри, оседал на одежде тяжёлым налётом и проникал, казалось, в самые поры — Женя знала, что будет отстирывать его неделю и не отстирает никогда.

Она сидела на жёсткой пластиковой кушетке в коридоре отделения нейрореанимации.

Четыре часа. Или пять. Время здесь потеряло линейность — оно измерялось не минутами, а событиями: шаги медсестры — единица времени; вздох дверей шлюза — единица времени; каталка, провезённая мимо с чем-то накрытым, — очень длинная единица времени, которую она запретила себе рассматривать.

Женя смотрела на свои руки.

Руки дрожали — мелкой, противной, электрической дрожью, которую невозможно унять, даже сцепив пальцы в замок до белых костяшек. Она попробовала занять их: достала телефон, открыла рабочую почту, увидела семнадцать непрочитанных с темами вроде «СРОЧНО: Искендерун» — и закрыла. Не сейчас. Сейчас её работа — сидеть и не разваливаться.

На безымянном пальце блестело кольцо. Руслан подарил его год назад, когда закрыли китайскую сделку, — не на годовщину, не на праздник, просто привёз из командировки и надел ей за ужином, буднично, как надевают пропуск. «Это не украшение, Женька. Это символ того, что мы команда. Ты да я — учредительный состав».

Сейчас кольцо весило как кандалы. Команда, подумала она. Учредительный состав: один в реанимации, вторая в коридоре, третья толкается под рёбрами и требует апельсинов, которые никто так и не купил.

Двери реанимации — матовое стекло, «Посторонним вход воспрещён» — бесшумно разъехались.

Вышел врач. Невысокий, плотный, в мятой хирургической пижаме, с лицом человека, который видел смерть чаще, чем собственных детей, и давно перестал делать вид, что это нормально. Он стянул маску — под ней оказалось землистое лицо с глубокими носогубными складками и глазами, которые не умели врать, потому что разучились.

Женя попыталась встать резко — как вставала всю жизнь, с первого звонка, — но живот повёл её в сторону, и она только неловко качнулась, ухватившись за спинку кушетки.

— Доктор?..

— Сидите, Евгения... — он сверился с планшетом, — Геннадьевна. Сидите. Вам волноваться нельзя, а разговор у нас будет не для стояния.

Он сел рядом — прямо на кушетку, нарушая всю субординацию «врач — родственник». Видимо, новости были такими, что стоять не хотелось и ему.

— Говорите как есть, — сказала Женя. — Я двенадцать лет в бизнесе мужа. Я умею слушать плохие цифры.

Врач посмотрел на неё — коротко, оценивающе, как смотрят на человека, прикидывая, какую нагрузку выдержит конструкция, — и, кажется, решил не округлять.

— Хорошо. Как есть. Черепно-мозговая травма, тяжёлая. Острая субдуральная гематома — кровоизлияние под твёрдую мозговую оболочку, сгусток давил на мозг. Мы сделали декомпрессивную трепанацию, сгусток удалили, давление снизили. Операция прошла штатно — это хорошая новость, и на сегодня она единственная.

— А плохие?

— По шкале комы Глазго при поступлении, до седации, — четыре балла.

— Переведите.

— Норма — пятнадцать. Смерть мозга — три. — Он сказал это ровно, без паузы на её вдох, и за эту ровность она была ему благодарна. — Четыре — это глубокая кома. Реакции на боль минимальные, речевого контакта нет, глаза не открывает. Сейчас он на аппарате искусственной вентиляции, мы держим его в медикаментозном сне — мозгу нужно меньше кислорода, меньше работы, меньше всего. Ближайшие семьдесят два часа — критические. Отёк либо пойдёт на спад, либо...

Он не договорил. Договаривать было не нужно.

— Четыре, — повторила Женя.

Цифра повисла в коридоре, как бирка. Всю жизнь она работала с цифрами — маржа, ставки, курсы, — и цифры всегда были инструментом, послушным и холодным. Впервые цифра смотрела на неё сама.

— У него сильный организм, — врач поднялся, и в голосе его на секунду проступило что-то живое из-под профессиональной вежливости. — Сердце спортивное, сосуды чистые, возраст рабочий. Знаете, есть такое старое понятие, ещё флотское, — коэффициент живучести. Не про то, насколько корабль цел. Про то, сколько пробоин он может получить и остаться на плаву. Так вот у вашего мужа он высокий. Это не прогноз. Это наблюдение.

— Спасибо, — сказала Женя. — За «как есть».

— Идите домой, Евгения Геннадьевна. Ему сейчас ничем не поможешь, а вам, — он кивнул на живот, — есть кому помогать. Здесь дежурный пост, любые изменения — вам позвонят.

Он ушёл в шлюз, и двери сошлись за ним с мягким больничным вздохом, оставив её наедине с цифрой «четыре» и коэффициентом живучести.

Женя положила руку на живот. Изнутри толкнулись — сильно, требовательно, протестуя против этой тишины, против хлорки, против всего.

— Папа спит, Алиса, — прошептала она, глотая слёзы, которые запретила себе ещё в приёмном. — Папа просто очень устал. У него был длинный день. Он развернул судно, поставил на место одного стервятника и шёл покупать нам сок. Прямого отжима. Он вернётся и купит, слышишь? Он никогда не срывал поставки.

В кармане пальто завибрировал телефон.

Не её телефон — его. Пальто Руслана она забрала внизу вместе с вещами: окровавленный кашемир, один ботинок, рюкзак с треснувшим ноутбуком — «личные вещи поступившего», сказала санитарка, подавая пакет, и Женя расписалась в получении, как расписывалась за грузы, стараясь не смотреть на графу «состояние».

Она достала телефон мужа. Экран разбит паутиной трещин — но жив: свет пробивался сквозь трещины, дробясь, как сквозь лёд.

Имя на дисплее: «Глеб Вектор».

Женя замерла. Владелец «Вектора». «Крыса в пиджаке от Бриони», как называл его Руслан. Человек, который час назад — она уже знала от Кирилла — обзванивал их партнёров, предлагая «более предсказуемую логистику».

Звонит на телефон человека, который лежит за матовым стеклом.

Она хотела сбросить. Палец сам нажал «принять» — и позже она поняла, что это было правильно: врага надо слушать, пока он разговорчивый.

— Слушаю.

Короткая пауза — он ждал не её голос.

— Евгения? — голос Глеба был бархатным, тёплым, полным сочувствия — безупречно сыгранного, со всеми положенными паузами. — Это Глеб. Мне только что сообщили... Боже мой. Какая трагедия. Как Руслан?

— В реанимации, — сухо сказала Женя. — Откуда вы узнали?

— У нас тесный рынок, Евгения. Слухи летят быстрее самолётов. — Скорбный вздох, отмеренный аптекарски. — Я звоню предложить помощь. Любую. Финансы, связи. Консультация в Бурденко? В Шарите? У меня борт готов к вылету, скажите слово.

— Спасибо. Врачи справляются.

— Рад слышать. Искренне рад. Но... — тон изменился на четверть ноты: бархат остался, под бархатом проступил каркас. — Есть ещё один момент. Делового характера. Простите, что сейчас, — сам ненавижу себя за этот звонок, — но время, увы, не сочувствует никому.

— Глеб, я не в состоянии обсуждать бизнес.

— Понимаю. И всё же послушайте — просто послушайте, решать будете потом. Руслан — это мозг MLT. Блестящий мозг, я всегда это говорил, спросите кого угодно. Но без него компания — набор складов и обязательств. У вас груз в Турции. Искендерун, верно?

Женя похолодела — медленно, от затылка вниз.

Искендерун. Решение трёхчасовой давности. Решение, принятое голосом, в метро, на выходе с эскалатора, — о котором знали Руслан, Кирилл и человек по имени Драган.

— Руслан решил этот вопрос, — сказала она ровно.

— Руслан отдал распоряжение голосом, — мягко, почти ласково поправил Глеб. — Устная договорённость, Евгения, — это жанр тоста, а не документа. Частный терминал возьмёт груз по тройному тарифу и по предоплате. А предоплату такого размера ваш финансовый директор провести не может: нужна авторизация генерального. Электронная подпись. Токен. А генеральный... недоступен. И, говорят, надолго.

«Говорят». Кто говорит? Врачи? Санитарка? Кто-то в этом коридоре уже отчитался ему по таймингу — раньше, чем ей назвали цифру «четыре»?

Женя закрыла глаза. Вот оно. Система, которую Руслан строил двадцать лет, — жёсткая, центростремительная, замкнутая на него, как всё у сильных людей, — сработала против самой себя. Без его пальца, без его токена миллионы долларов превращались в цифры на заблокированном экране.

— Груз встанет, — продолжал Глеб тоном лектора, у которого хорошо идёт семинар. — Терминал выставит хранение. Потом турки — неустойку. Потом «Газ» разорвёт контракт за срыв, и это будет только началом: у MLT есть кредиторы, а кредиторы, Евгения, — животные пугливые. Кассовый разрыв убьёт компанию за два отчётных квартала. Я видел это десятки раз. Империи не рушатся — они протухают. Быстро и буднично.

— И что вы предлагаете? — спросила она, чтобы дослушать до конца. Врага надо дослушивать.

— Доверительное управление. Временное, — слово «временное» он подал отдельно, на блюде. — Мы подписываем договор, я ввожу свою команду, провожу платежи через свои счета — груз спасён, репутация Руслана спасена, контракт жив. А когда Руслан вернётся, — я в это верю, Евгения, я знаю его хватку, — мы всё урегулируем. По-партнёрски.

— А если не вернётся? — тихо спросила она.

Пауза. Глеб дышал в трубку ровно и спокойно — как человек, который ждал именно этого вопроса и приберёт для него лучшую интонацию.

— Тогда я хотя бы сохраню деньги. Для вас и вашего будущего ребёнка. Альтернатива — кредиторы разорвут активы на куски, и через год вы будете судиться за квартиру. Я не угрожаю, поймите правильно. Я показываю прогноз погоды. — Он помолчал и добавил почти нежно: — В нашем мире, Евгения, потерять деньги — не страшно. Потерять имя — конец. Я предлагаю сохранить Руслану имя. Думайте. У вас неделя, прежде чем терминал начнёт процедуры. Мои юристы подготовят бумаги — просто чтобы лежали. Выздоровливайте... то есть — сил вам.

Он отключился раньше, чем она успела ответить. Профессионал: последнее слово — всегда своё.

Женя сидела, глядя на погасший, растресканный экран, и чувствовала, как внутри — не в животе, выше, там, где у неё всю жизнь помещался переговорный отдел, — что-то медленно поворачивается. Как поворачивается башня.

Вот и стервятники. Руслан ещё тёплый, его сердце бьётся за матовым стеклом, аппарат дышит за него, — а они уже делят. И как делят: не отнимая — «спасая». Не угрожая — «прогнозируя». Глеб не сказал ни одного слова, за которое его можно было бы ударить. Он просто разложил перед ней их жизнь, как раскладывают лоты перед торгами, и на каждом лоте уже висела его бирка.

И эта фраза. «Потерять имя — конец». Руслан говорил её сто раз — своим, за столом, в запале. Глеб вернул её ей, как возвращают надкушенное. Значит, слушает не только рынок. Слушает — дом.

Она вспомнила мужа. Не больничного, не воскового, — настоящего: как он стоит у окна на сорок третьем этаже, спиной к переговорной, и говорит, не оборачиваясь: «Мы никогда не сдаёмся, Женька. Даже если нас прижали к стенке — стенка тоже чья-то. Выясни чья, купи её и толкай».

— Хрен тебе, — прошептала Женя.

В шёпоте не было истерики. Истерику она отложила — на потом, на никогда. В шёпоте была холодная, ясная, конструктивная злость: то состояние, в котором она когда-то, до декрета, выигрывала худшие переговоры фирмы.

— Хрен тебе, а не доверительное управление.

Она встала. Спину ломило, ноги гудели, живот тянул к земле — она выпрямилась вопреки всему этому, привычным усилием, как выпрямляются люди, которым нельзя горбиться при подчинённых.

Инвентаризация, подумала она. Раз муж недоступен — думаем как муж. Что у нас есть? Компания с грузом в пути — раз. Кирилл, который знает операционку, — два. Юристы — три. Токен, который где-то лежит, потому что Руслан никогда, ни разу за двадцать лет, не оставлял систему без резервного хода, — четыре. И неделя времени. Целая неделя. Он разворачивал суда за один телефонный звонок — неужели она не проведёт один платёж за семь дней.

— Я найду токен, — сказала она закрытым дверям реанимации, тихо и очень отчётливо, как диктуют реквизиты. — Ты оставил мне подсказку. Не мог не оставить — ты никогда не строил систем с одной точкой отказа, я двенадцать лет смотрела, как ты работаешь. Я найду, я проведу этот чёртов платёж, и когда ты проснёшься — а ты проснёшься, — груз будет у получателя, а Глеб будет там, где ему место. В спаме. Ты только живи, Рус. Логистику я беру на себя. А ты... ты просто доберись обратно. Считай, что это накладная: получатель — я.

За матовым стеклом, в стерильной тишине палаты, монитор у изголовья Руслана издал короткий тревожный писк.

Линия пульса дрогнула — один зубец вышел из ряда и вернулся. Не аритмия, отметила бы дежурная сестра, если бы смотрела в эту секунду. Сбой ритма. Единичный.

Словно сердце споткнулось на ровном месте.

Или приняло входящий — по каналу, которого нет ни в одной схеме, — и расписалось в получении.

ГЛАВА 4. ФАНТОМНАЯ ЖАЖДА

День второй. Субъективное время — других часов здесь не выдавали.

Темнота имела вкус.

Сначала Руслану казалось, что это вкус бетонной пыли, осевшей на зубах. Потом — часы спутя? сутки? — он понял: это вкус окисленного железа. Ржавчины. Воздух был насыщен микроскопической металлической взвесью, и каждый вдох царапал лёгкие изнутри, как будто он дышал сквозь наждачную бумагу нулёвку — мелкую, почти нежную, стирающую понемногу.

Руслан лежал у основания бетонной стены — у своей нулевой координаты, единственной твёрдой точки в системе. Он больше не кричал. Голос сел ещё «вчера», превратившись в сухое сипение, и он запретил себе звать: крик — это расход энергии и влаги при нулевой вероятности отклика. Отрицательная сделка. Такие не заключают даже в отчаянии.

Самым страшным оказался не холод. Не тьма. Даже не колонна внизу, которую он старался не вспоминать и вспоминал каждые пять минут.

Самым страшным стала Жажда.

Она пришла как опытный переговорщик — Руслан узнал школу. Сначала просто обозначила присутствие: сухость во рту, вязкая слюна, лёгкий дискомфорт — так на встречу присылают младшего партнёра, размяться. Потом перешла к давлению: язык распух и стал шершавым, как тёрка, глотать сделалось работой. А теперь она выдвинула ультиматум: горло горело ровным, несбиваемым огнём, словно он проглотил горсть раскалённых монет, и монеты эти лежали там, внутри, и медленно набирали проценты.

С такими не торгуются, подумал он. Таким платят.

— Воды, — беззвучно пошевелил он губами. Даже не просьба — инвентарная запись.

Кожа на лице стянулась, губы потрескались и лопались при каждом движении рта. Обезвоживание наступало пугающе, неправильно быстро — будто сама здешняя среда высасывала воду из пор, как высасывает влагу силикагель в контейнере. Может, так оно и было. Может, он и лежал сейчас в чьём-то контейнере — среди прочего груза, пересыпанный темнотой, чтобы не отсырел до выдачи.

Руслан повернулся к стене.

Бетон был холодным. И — он провёл ладонью — влажным. Конденсат. Мельчайшая роса на шершавой поверхности, тысячи капель размером с песчинку.

Никакой брезгливости он не почувствовал. Брезгливость — валюта сытых. Он прижался щекой и растрескавшимися губами к шершавому бетону и начал слизывать влагу — методично, полосу за полосой, как красят стену. Капли пахли плесенью и извёсткой, на зубах скрипел песок.

Но это была жидкость.

Мизер, подсчитал он, оторвавшись. Граммы. Погрешность в расчётах, статистический шум. Этим можно смачивать губы — этим нельзя жить.

Значит, искать источник. Он заставил себя думать как снабженец: конденсат не берётся ниоткуда — влага в воздухе есть; влага конденсируется на холодном; вода имеет вес; вода стекает вниз. Где-то внизу должен быть сток, лужа, водосбор — точка, куда эта стена сдаёт свою росу уже восемьдесят лет.

Он пополз вдоль стены, вниз по едва ощутимому уклону, ощупывая бетон, как читают слепой шрифт. Дорогие брюки давно превратились в лохмотья, колени были сбиты и уже не саднили — просто сообщали о себе ровным фоновым сигналом, как датчики. Он полз и вёл счёт — метры, минуты по внутреннему метроному, процент уклона на глаз, — и счёт держал его на плаву лучше любой молитвы.

А потом мозг, которому надоело работать без входящих данных, начал их выдумывать.

Ему слышалось журчание.

Кап... Кап... Кап...

Звук капающей воды — чистой, прохладной, офисной, из кулера у переговорной, где всегда стояли перевёрнутые конусы стаканчиков.

— Где? — Руслан замер, поводя головой, напрягая слух до звона.

Звук шёл справа. Из низины. Он не стал спрашивать себя, галлюцинация это или нет: у галлюцинации и у воды сейчас была одинаковая цена проверки.

Он пополз туда, ускоряясь, игнорируя ушибленное бедро, срываясь ладонями с невидимых камней, — и рука, выброшенная вперёд, провалилась во что-то вязкое и холодное.

Лужа.

Он судорожно сложил ладони ковшом, зачерпнул и поднёс к лицу.

Запах ударил в нос раньше, чем жижа коснулась губ. Это пахло не водой. Это пахло старым отработанным машинным маслом — и сладковатой, тёплой гнилью, у которой не бывает второго значения.

Руслан замер с ковшом у самого рта.

Жажда орала внутри, срываясь на визг: «Пей! Плевать! Пей!» Она уже не вела переговоры — она захватывала заложников: руки сами тянули ладони ближе.

Разум — холодный, циничный, последний работающий отдел — произнёс одну фразу, тоном юриста, зачитывающего пункт мелким шрифтом: «Выпьешь токсин — откажут почки. Конец игры. Без апелляции».

Он медленно, с усилием, от которого свело плечи, разжал пальцы. Жирная жижа шлёпнулась обратно.

ДЗЫНЬ.

Струна. Близко — совсем близко, над самой лужей: вибрация прошла по жиже и ударила его по мокрым пальцам мелкой рябью. Руслан отдёргнул руку и застыл, пережидая, считая: раз-и, два-и... Тишина. Пронесло.

Он стал осторожно ощупывать берег лужи — искать, где она мельче, где чище, есть ли приток, — и его пальцы наткнулись на что-то под поверхностью.

Не дно. Не камень.

Мягкое. Упругое. С рельефом.

Нос. Холодный, резиновый на ощупь нос. Ниже — приоткрытые губы. Выше — закрытые веки, и под пальцем дрогнули ресницы — не сами, от его касания, но этого хватило.

Руслан отдёргнул руку, как от оголённого провода. Крик рванулся из горла и вышел хрипом — жалким, кошачьим.

Он сидел в луже, в которой лежал человек. Человек лежал в этой жиже, судя по всему, очень давно — и не разложился, не раздулся, не стал тем, чем становятся утопленники. Он просто лежал, законсервированный, как всё в этом мире: с искривлённым в немом крике ртом, терпеливо, до востребования.

Руслан отполз, вытирая руку о пальто — долго, яростно, бессмысленно. Пустой желудок скрутило сухим спазмом.

«Спокойно, — приказал он себе, стуча зубами. — Спокойно. Это органика. Биомусор. Списанная единица. Мёртвый человек не опасен — опасен живой. Заучи: мёртвый не опасен. Опасен живой».

Он повторял это, как учат номенклатуру, пока сердце не спустилось из горла обратно.

Пить из лужи он не стал бы теперь даже под дулом.

День третий. Ориентировочно.

Он перестал ползти. Сил не осталось — организм сам, без команды, перешёл в энерго-сберегающий режим: движения по необходимости, мысли по расписанию, всё остальное — отключить.

Руслан лежал, свернувшись на куче щебня, и сознание его плыло по тонкой кромке между сном и обмороком — туда-сюда, как маятник, у которого кончается завод. Ему снился душ. Горячий, бесконечный, бытовой до слёз: вода била в затылок, смывала грязь, наполняла рот, и можно было пить прямо из струи, по-мальчишески, сколько влезет...

Он открыл глаза.

Темнота никуда не делась.

Но в ней появилась переменная.

Зелёная точка.

Она висела прямо перед его лицом — маленькая, мягко пульсирующая звезда в абсолютном мраке. Первый свет за три дня, не считая холодных искр в трескающейся тьме.

Светлячок?

Сначала Руслан решил, что это битый пиксель — предсмертная судорога зрительного нерва, прощальный подарок сетчатки. Но точка двинулась: описала неторопливую, замысловатую дугу, оставив за собой тающий фосфорный шлейф, и зависла снова — ближе.

Она была настоящей. Она была живой. Она была светом.

Руслан протянул дрожащую руку — правую, ободранную, с коркой на порезанном о струну безымянном пальце.

— Эй, дружок, — прошептал он. — Ты откуда тут такой?

Он не подумал об опасности ни на секунду — и потом, разбирая этот день по косточкам, признавал: не подумал, потому что не хотел. Какой вред от насекомого? Насекомое — это жизнь. Где жук — там воздух, вода, что-то растущее. Насекомое — это надежда, упакованная в хитин.

Светлячок качнулся — и сел ему на руку.

Не куда попало. Руслан почувствовал это с ужасающей отчётливостью: крошечные лапки перебрали по коже, выбирая, примерились — и встали точно на безымянный палец, у самого основания, на свежую корку пореза. Туда, где струна три дня назад взяла с него первую кровь.

Как печать ложится в заранее проставленную графу.

Он был тяжёлым — неправильно, невозможно тяжёлым для жука, как свинцовая дробина. И холодным, как кусочек льда, — холод прошёл сквозь корку внутрь, к кости.

И вдруг — вспышка.

Мягкое зелёное свечение схлопнулось и взорвалось ослепительным белым. Сварочная дуга размером с ноготь.

Руслан зажмурился — и почувствовал боль.

Не укус. Не жало.

В палец медленно, с расстановкой, вкручивали раскалённый саморез. Тварь не кусала — она бурила: сквозь корку, сквозь мясо, к кости, к нервному узлу, и с каждым оборотом свет становился ярче, будто она подключалась к нему, как к сети.

— А-а... — хрип сорвался в стон.

Он затряс рукой. Ударил ею о землю, о щебень, о колено. С тем же успехом можно было стряхивать собственный ноготь: тварь вцепилась намертво, вросла, стала частью пальца — самой яркой и самой страшной его частью.

Свет разгорался. Он уже просвечивал плоть насквозь: Руслан, воя сквозь зубы, увидел внутри собственной руки тёмный силуэт кости в ореоле розового сияния — рентген в полевых условиях, снимок, который никто не заказывал.

И этот свет осветил всё вокруг.

Руслан увидел, где провёл три дня.

Не поле. Не подвал. Не терминал.

Он находился на дне гигантского котлована — стены уходили вверх и терялись во мгле, как борта карьера. А всё дно, весь этот необозримый амфитеатр, от края до края, было завалено ящиками.

Цинковыми. Серыми, ржавыми по швам, запаянными наглухо. Они лежали навалом, грудами, хребтами, осыпями — миллионы цинковых гробов, сваленных, как шлак, как невос-
требованный груз, у которого истекли все мыслимые сроки хранения. На торцах ближних, в мертвенном белом свете, читались выдавленные в металле номера. Пятизначные. У каждого — свой.

Склад, понял Руслан, и понимание было холоднее жажды. Он три дня ползал по складу неврученного. И лужа с тем, в луже, и колонна внизу, и он сам — всё это был один бесконечный, никем не разбираемый, приход без расхода.

Он лежал на вершине одной из гор.

ДЗЫ-Ы-Ы-НЬ.

Пространство отозвалось на свет — струны, все разом, где-то во тьме взяли одну долгую ноту. Земля дрогнула. Груды гробов поехали, оседая, скрежеща цинком о цинк, — и сквозь скрежет, издавека, пришёл звук, от которого у Руслана остановилось всё, что ещё двигалось.

Шаг.

Тяжёлый. Влажный. Один.

— Срежь, — произнёс голос сверху.

Спокойный, равнодушный, мужской — первый человеческий голос за три дня, и прозвучал он не как спасение. Как инструкция.

Руслан вскинул голову, шурясь от света, бьющего из собственной руки.

На соседнем хребте ящиков, метрах в трёх выше, сидел на корточках человек. Лохмотья камуфляжа, ватник, ушанка с развязанными ушами. Лица не было — вместо лица желтел гладкий кожаный блин, натянутый на невидимый каркас. Ни глаз, ни рта, ни шва.

Он узнал бы эту маску из тысячи, если бы уже видел хоть одну. Пока он знал только, что смотреть на неё не хочется, а не смотреть — не получается.

— Ты приманиваешь Майора, — сказал безликий. — У тебя минуты две. Может, меньше: он сегодня близко ходит.

— Помоги... — Руслан протянул к нему горящую руку. — Сними! Сними это!

— Я не нянька, — ответил тот без выражения. — Я наблюдатель. Эта тварь — маяк. Она пьёт твою кровь и светит. Наводит. Понял? Ты сейчас — самая яркая точка на его карте. Срежь — или сдохнешь, и мне даже будет немного жаль: от тебя интересно пахнет.

Он небрежно кинул что-то вниз. Звяк — предмет запрыгал по цинковой крышке и лёг у самого лица Руслана.

Осколок стекла. Толстого, зелёного, бутылочного — от шампанского, что ли. Край — как бритва.

— Минута, — сказал безликий. И начал считать. Не вслух — Руслан просто чувствовал, что счёт идёт.

Вибрация нарастала. За границей света — уже не так далеко — раздался второй шаг.

БУМ.

Воздух качнуло. На соседних хребтах зашевелились, съезжая, гробы. Что-то огромное — то, что не имеет формы, но имеет вес, — шло на свет, и по тому, как оно шло, было ясно: яркие пятна в своём чёрном мире оно не просто не любит.

Оно их гасит.

Страх оказался сильнее боли — и вдвоём они наконец включили голову. Мысль прошла коротко и чисто, как проводка по смете:

«Условия задачи: минус палец — или минус всё. Актив против пассива. Решение очевидно. Исполняй».

Руслан схватил стекло левой рукой.

Правая тряслась и светила, как бенгальский огонь. Пахло палёной кожей — его кожей. Он примерился — раз, потому что на два времени не было.

— Пять... — сказал сверху голос, на этот раз вслух.

— Сука, — выдохнул Руслан.

Он не стал пилить. Он ударил.

Вонзил остриё в основание фаланги — точно под светящуюся тварь, туда, где три дня назад прошла струна, — и с силой, с хрустом разрываемого живого, повёл стекло вверх, к ногтю. Срезая с себя полоску собственного мяса вместе с тем, что в неё вцепилось.

Боль была белой. Ослепляющей. Абсолютной — на секунду она выключила и жажду, и страх, и Руслана.

Шлёп.

Срезанный лоскут вместе со светлячком упал на цинк. Палец превратился в кровавое месиво, в глубине раны бледно проступала кость, — но тварь была отделена. Свет ушёл из его руки.

Светлячок не погас. Лёжа на крышке гроба, на лоскуте его плоти, он разгорелся ещё яростнее — напившись крови, как фитиль керосина, — и теперь освещал пустое место. Наводил на координату, где больше никого не было.

— Ко мне! — скомандовал безликий, вставая. — Бегом! Пока тень не накрыла!

Руслан рванулся вверх по шаткой горе — зажимая искалеченную руку под мышкой, карабкаясь на трёх конечностях, скользя на собственной крови, срывая ногти о цинковые рёбра. Гробы ехали под ним, номера мелькали перед глазами — 40311, 40317, — он лез, не думая, куда, думая только «выше», потому что смерть сегодня ходила понизу.

Сзади раздался вздох.

Так вздохнула бы тысяча кузнечных мехов разом — долгий, всасывающий, голодный звук. Свет внизу погас — мгновенно, как гасят свечу двумя пальцами.

Тень пришла на маяк. И взяла всё, что светилось: светлячка, лоскут, кровь.

ХРУМ.

Звук перемалываемого металла — цинк, кости, всё вместе. Руслан, уже наверху, обернулся на долю секунды: там, где он лежал минуту назад, в грудах гробов стояла вмятина. Ровная, глубиной в метр, с чёткими краями.

След ступни, для которой не нашлось ноги.

Руслан перевалился через гребень и упал к ногам безликого — мешком, тем самым биомусором, о котором недавно рассуждал так хладнокровно.

— Успел, — констатировал тот, разглядывая его сверху вниз, склонив жёлтый блин набок. — Грязный. Слабый. Но решительный: не пилил — резал. Поздравляю с инициацией, Проводник.

Он присел на корточки — по-дворовому, привычно, и в этой посадке впервые проступило что-то человеческое.

— Вставай. Майор ушёл, но он вернётся проверить сектор. Он всегда возвращается. В этом весь он.

Руслан с трудом сел, баюкая руку. Голова плыла, в ушах стоял звон, и сквозь звон он слышал собственный голос — чужой, наждачный:

— Воды.

— Вода платная, — сказал безликий.

Он снял с пояса флягу — старую, алюминиевую, мятую, в брезентовом чехле, — и покачал ею в воздухе, не протягивая.

— Здесь ничего не дают просто так, свежак. Запомни это раньше всех остальных правил, целее будешь. Я дам тебе попить. А ты будешь мне должен. Не «спасибо» — должен. По-настоящему. Идёт?

— Идёт, — прохрипел Руслан.

Ему было плевать на условия. Так он думал в ту секунду — и ошибался, и где-то глубоко, под жаждой, снабженец в нём уже ставил галочку: обязательство принято, кредитор неизвестен, срок не оговорён. Худший вид долга. Но вода была важнее юриспруденции.

Безликий протянул флягу.

Руслан схватил её здоровой рукой, отвинтил крышку с третьей попытки — пальцы не слушались — и припал.

Вода была тёплой, пахла железом и брезентом.

Это была самая вкусная вода в его жизни. Вкуснее коллекционных вин, вкуснее горного источника в Альпах, куда их возили партнёры, вкуснее — да, вкуснее того самого апельсинового фреша, прямого отжима, который он так и не купил.

Три больших глотка. На четвёртом фляга ушла вверх — безликий отобрал её одним точным движением.

— Хватит. Выблועшь — и вода пропадёт, и должен останешься. Организм не готов, ему теперь всё по чуть-чуть.

Руслан вытер подбородок рукавом. Внутри, от горла вниз, разворачивалось тепло — и вместе с ним, толчками, перезапускался мозг: мысли пошли, сцепляясь, как вагоны.

— Кто ты? — спросил он, глядя на жёлтый блин.

— Я Ищейка, — сказал тот, завинчивая флягу и вешая её на пояс. — А ты — свежак. Пока. Судя по тому, как ты себя искромсал по первому требованию, — он кивнул на изуродованный палец, — у тебя есть шансы прожить дольше суток. Это здесь комплимент, если что.

Он поднялся — легко, вихляво, разболтанной походкой человека, который ходит по этим хребтам дольше, чем ты живёшь.

— Идём. Скоро проявка.

— Что?

— Рассвет. Ну, то, что здесь выдают вместо рассвета: свет не встаёт — он проявляется. Как фотография в ванночке, только ванночка — это всё. — Безликий махнул рукой куда-то в темноту, где темнота, показалось, была уже не такой окончательной. — Тебе нужен врач, свежак. Настоящий, с руками. Иначе сепсис заберёт тебя раньше голода, а голод здесь работает быстро.

Руслан поднялся. Ноги дрожали, правая рука горела ровным, злым огнём, в голове гудело — но он стоял. И даже, кажется, стоял прямо.

— Веди, — сказал он. — Про долг я запомню.

— О, не сомневайся, — хмыкнул голос под маской, и в хмыканье было что-то почти одобрительное. — Здесь долги не забывают. Здесь долги — единственная твёрдая валюта. Всё остальное, — он повёл рукой по цинковым горам, по номерам, по темноте, — как видишь, лежит без движения.

Они двинулись по хребтам, след в след, уходя от места, где во вмятине глубиной в метр остывала чья-то невидимая ступня. Впереди, у самого края мира, серое начинало отделяться от чёрного — медленно, неохотно, тон за тоном.

Проявка шла.

ГЛАВА 5. КООРДИНАТЫ РАССВЕТА

Подъём из котлована занял вечность. Или триста метров вертикали. В этом месте разница между временем и расстоянием была несущественной: и то и другое измерялось болью.

Руслан карабкался по горам цинковых ящиков — вверх, по бесконечной осыпи, где вместо камней под руками были скользкие, влажные, гулкие гробы. Каждый отзывался на вес посвоему: одни держали намертво, другие подавались с тягучим скрипом, третьи — самые страшные — начинали ехать, и тогда приходилось замирать, распластавшись, и ждать, пока осыпь передумает.

Правая рука была выведена из строя. Искалеченный палец пульсировал горячей, дёргающей болью, отдававшей в плечо при каждом рывке, и Руслан нёс руку прижатой к груди, как носят повреждённый груз, — используя её только как балансир. Работали левая и ноги.

Он быстро выучил единственно возможную технику: три точки опоры всегда, четвёртая двигается. Левая рука — за ржавую ручку. Нога — в щель между ящиками. Вторая нога — на угол. Перенос веса. Снова рука. Он превратил подъём в цикл, в конвейер из четырёх операций, и повторял его, не поднимая головы, потому что наверху всё равно ничего не было видно, а внизу было то, о чём лучше не помнить.

Один раз нога в мокром носке соскользнула с наклонной крышки.

Он поехал вниз — сразу, всем весом, животом по цинку, — три метра свободного скрежета, обдирая кожу через лохмотья рубашки, пока левая рука сама, без команды, не вцепилась в какую-то скобу так, что хрустнули суставы. Он повис. Отдышался. Посмотрел на скобу — обычная транспортировочная ручка, за которую этот ящик когда-то несли четверо.

— Спасибо, — сказал он ящику. Совершенно серьёзно.

И полез дальше.

— Шевелись, свежак, — голос Пашки падал сверху, ровный, без одышки. — Темп держи. Здесь нельзя долго висеть на одном месте: место привыкает.

Сам Ищейка не карабкался — он перетекал. С ящика на ящик, с ребра на ребро, скупыми, точными, до миллиметра выверенными движениями, ни разу не проверив опору дважды. Так двигаются промышленные альпинисты. Или воры-домушники высшей квалификации. Или те, кто ходит по этим горам восемьдесят лет и знает каждый гроб в лицо.

Когда Руслан наконец перевалился через край котлована, сил не осталось даже на то, чтобы встать. Он перекатился на спину и лежал на твёрдой, холодной, настоящей земле, и лёгкие горели, требуя кислорода, которого в этом воздухе было отмерено по нижней норме довольствия.

— Подъём, — Пашка тронул его носком ботинка. Не пнул — именно тронул, дозированно, как проверяют, живой ли. — Не время валяться. Сейчас начнётся, и лучше тебе это видеть стоя. Стоя оно не так страшно.

— Что... начнётся?

— Проявка. Я же говорил: свет здесь не встаёт. Он проявляется.

Руслан сел, потом поднялся — по частям, как поднимают кран: сначала на колени, потом на одно, потом в рост. Огляделся.

Они стояли на возвышенности, и перед ними, до самого края видимости, лежали руины.

Это был город. Но город неправильный, собранный, как собирают из обломков: словно кто-то взял куски десяти разных городов, разбил их молотком и склеил в произвольном порядке, не заботясь ни о масштабе, ни о смысле. Слева торчал остов панельной пятиэтажки — из перекрытий, как кишки, свисала арматура. Правее в землю была воткнута водонапорная башня красного кирпича — вверх ногами: фундамент растопыренно смотрел в небо, как вырванный зуб корнями. Дальше угадывались: горб моста, ведущего с пустыря на пустырь;

трамвай, вросший в стену дома по самые окна; кусок вокзального фасада с круглыми часами, у которых не было стрелок — только тёмные лучи-следы на циферблате, где стрелки когда-то были.

— Где мы? — спросил Руслан. — Это... Москва?

— Это «Везде», — Пашка стоял рядом, сдвинув маску на пояс, и смотрел на руины без всякого выражения, как смотрят на рабочее место. — Майор тащит сюда куски мест, где ему было больно. Или будет — он в таких вещах не делает разницы. Сталинград. Грозный. Донецк. Пригороды Берлина. Он мешает их, как в бетономешалке, и заливает в свои формы. Видишь стену с мозаикой?

Он указал на обломок, где сквозь копоть угадывались счастливые пионеры с горном — кусок школьного фасада, отломанный, как корка от хлеба.

— Школа. Не спрашивай какая: здесь все школы — одна. А вон тот пролёт моста — из-под Киева. География этого места — не карты, свежак. География этого места — болевые точки. Запоминай не улицы. Запоминай, где болит.

И тут воздух изменился.

Тяжёлая, вязкая темнота, в которой они прожили ночь, начала сереть — но не так, как сереет ночь перед рассветом. Она не отступала и не рассеивалась. Она становилась прозрачной изнутри, стекловидной, как мутный раствор, в котором пошла реакция, — и в глубине этой прозрачности, слой за слоем, начало проступать.

ДЗЫНЬ.

Звук ударил по ушам — тонкий, высокий, на грани ультразвука, словно кто-то тронул исполинский камертон, и камертоном был весь мир. Струны — Руслан теперь знал это слово — отозвались все разом, единой нотой, от горизонта до горизонта.

Он инстинктивно вжал голову в плечи.

— Началось, — Пашка натянул маску на лицо; влажный чвак прозвучал буднично, как щелчок тумблера. — Не смотри туда, где должно быть солнце: его нет, а привычка искать — есть, и она тут дорого стоит. Смотри на структуру.

Руслан поднял глаза к небу.

Неба не было.

Там, где положено быть облакам, из серой мути проступала Сетка.

Сначала — основные тросы: толстые, как магистральные трубы, туго натянутые, уходящие за горизонт во все стороны разом. Они проявлялись медленно, тон за тоном, как проявляются на снимке самые тёмные места, — и просвечивали сквозь муть, как вены под бледной кожей запястья. Потом пошли поперечные — тоньше, чаще, они переплетались с продольными, скручивались в узлы, узлы держали новые нити, и через минуту весь небосвод, от края до края, стал тем, чем был всегда и что ночь милосердно скрывала.

Гигантской ржавой сеткой-рабицей.

Ржавчина на ней разгоралась в лучах невидимого источника — не золотом, не багрянцем, а грязно-оранжевым, воспалённым, цветом старого железа и несвежей крови. Этот свет и был здешним днём.

Тени от сетки легли на землю.

И мир стал клетчатым.

Каждый камень, каждый обломок, перевёрнутая башня, пионеры на стене, сам Руслан и его вытянутая рука — всё оказалось расчерчено на ровные, спокойные, аккуратные ромбы. Он стоял и смотрел, как тень узла медленно ползёт по его рукаву, и чувствовал себя товаром, на который нанесли разметку.

— Геометрия, — голос Пашки из-под маски звучал глухо, как из бочки. — Порядок. Майор любит порядок: война — это хаос, а армия — это устав. Квадратное катать, круглое

носить, всё по линейке. Мы в клетке, папаша. Просто у нашей клетки прутья не по бокам, а над головой. Многим так даже спокойнее — не видно, куда бежать, значит, и бежать не надо.

Он шагнул вперёд — странно, боком, виляя, — и Руслан не сразу понял, что Ищейка обходит линии теней. Не наступает на ромбы. Идёт по швам.

— За мной. След в след. И вниз смотри: видишь блеск у земли?

Руслан прищурился. Зрение перестраивалось под этот графичный, штриховой свет — и перестроилось: в десяти сантиметрах над землёй, между тенями рабицы, натянутые от руины к руине, блестели тончайшие серебряные нити.

Струны. Десятки. Сотни. Целая нотная запись, разложенная по земле, — и все они мелко, непрерывно вибрировали, издавая на пределе слышимости тот самый звук.

— Нервы, — сказал Пашка. — Периметр. Ты одну уже дёргал — дважды, я слышал. Повезло: ночью он спит вполуха. Днём заденешь — сигнал уйдёт в Центр, Майор проснётся и почешет это место. Артиллерией. Или просто сожмёт квадрат — это когда воздух становится бетоном. Двигайся аккуратно, свежак: считай, что весь мир под сигнализацией, а ты — вор без сноровки.

Руслан встал в след Пашки. Его шатало, рука горела, но он поймал знакомую рамку и вцепился в неё:

«Полоса препятствий. Лазерная сигнализация в хранилище. Принцип известен: не пересекать луч. Скорость — вторична, траектория — всё».

Они пошли. Пашка двигался, как танцор в минном балете, — и Руслан копировал: шаг, разворот плеч, пауза, шаг. Выходило неуклюже; полы пальто цеплялись за углы обломков, и он в конце концов подвизал их узлом на животе, наплевав на остатки кашемирового достоинства.

Один раз он всё-таки почти задел струну — носком единственного ботинка, на волос.

— Стоп! — шикнул Пашка, не оборачиваясь: услышал. — Глаза разуй. Хочешь стать как Лёнька?

— Кто?

— Вон он. Слева по курсу. Передай привет.

У обочины тропы, между двумя обломками стен, стояла статуя.

Сначала Руслан решил: памятник. Плохой, самодельный, — человек в позе бегущего: одна нога поднята и не опустится никогда, корпус в наклоне, рука выброшена вперёд, к чему-то, до чего оставался метр. Рот открыт в крике, которого не слышно восемьдесят лет.

Он был из бетона. Грубого, серого, с вкраплениями гравия, — и бетон не облеплял его, а был им: складки ватника, шнуровка ботинка, жилы на вытянутой шее — всё серое, всё каменное, всё одно.

А из бетонной кожи — из шеи, из запястий, из глазниц — выходила ржавая колючая проволока. Не обвивала. Выходила изнутри, как выходит из ствола осколок, который дерево решило пережить.

— Лёнька Харон, — представил Пашка. — Хороший был мужик. Перевозчик — потому и Харон: водил людей через периметры, как я вожу. Только я такты нюхаю, а он их считал. Математик. Говорил: у сжатия есть ритм, семь секунд запас, я успею.

Пашка подошёл и постучал костяшками по бетонному плечу. Звук был глухой, каменный, окончательный.

— Не успел. На полшага. Рабица сомкнулась, квадрат затвердел — и он теперь часть архитектуры. Несущая конструкция. — Ищейка помолчал и добавил без всякой интонации, отчего вышло только страшнее: — Здесь так со всеми, кто решает, что понял систему. Система не против, чтобы её понимали. Она против, чтобы на этом сэкономили.

— Он... мёртв? — спросил Руслан.

— Кто знает, — философски отозвался Пашка. — Может, он до сих пор думает, что бежит. Время внутри бетона течёт медленно. Может, для него ещё и полшага не прошло. — Он повернулся. — Идём. И вот что, свежак...

Маска смотрела не в лицо Руслану. Ниже. На правую руку.

— Ты фонишь.

Руслан опустил взгляд.

Тряпка — оторванная подкладка пальто, которой он замотал обрубок пальца, — пропиталась насквозь и почернела. Но страшно было не это. Над повязкой, в оранжевом свете дня, поднимался дымок. Тонкий, красноватый, слабо светящийся — не дым и не пар: он не рассеивался, а таял, как тает след трассера.

— Это не дым, — сказал Пашка. — Это свет. Ты вытекаешь, папаша. Жизненная сила испаряется через дырку. Ты сейчас — лампочка в тёмной комнате, и с каждым часом ватт прибавляется.

Он присел, глядя на тропу позади них, и Руслан проследил за маской: на камнях, там, где он проходил, темнели капли. Его капли. И каждая — он видел это теперь ясно — слабо, ровно светилась изнутри. Дорожка. Пунктир из маленьких маяков, честно указывающий: прошёл здесь, шёл туда.

Пашка молча зачерпнул горсть серой пыли и присыпал ближние капли — одну за другой, привычным движением, каким затирают следы. Свет под пылью гас нехотя, как угли.

— И что это значит? — спросил Руслан, хотя уже считал сам.

— Это значит, что ты притягиваешь всех, кто голоден. А здесь, — Пашка выпрямился и повёл маской по руинам, по клетчатому мёртвому городу, — здесь голодны все. Тени идут на свет, как мошка. Ищейки — я не один такой красивый — чувствуют за версту. Если не найдём медика и не закроем утечку, к вечеру тебя сожрут. Или сам дотечёшь до донышка и станешь пустышкой. Серым. Видел ночью колонну? Вот. У них у всех когда-то была дырка, которую не заткнули.

Руслан стиснул зубы. В голове, поверх боли и дурноты, щёлкнуло привычное:

«Ресурс ограничен. Пробоина в баке, топливо уходит, скорость утечки растёт. Задача: дойти до ремонтной базы до полной остановки двигателя. Всё остальное — потом».

— Где бункер? — спросил он жёстко, деловым голосом, которым двадцать лет открывались любые двери.

Маска повернулась к нему — и Руслану показалось, что под ней усмехнулись.

— Ожил, — сказал Пашка. — Хорошо. Рядом бункер, километр по прямой, полтора — по швам. Только учти: там не любят ярких. Яркий — это или еда, или неприятности, третьего у них не заведено. Готовься торговаться.

— У меня нет денег.

— Деньги, — Пашка издал под маской короткий звук, который у людей называется смешком. — Ты ещё визитку предложи. У тебя есть мозги, свежак. Надеюсь. Потому что, кроме мозгов и дырки в пальце, предложить тебе нечего, а дырка спросом не пользуется.

Он развернулся и двинулся дальше — вихляя, по швам, между струн, и Руслан пошёл следом, прижимая светящуюся руку к животу, кутая её в полу пальто, пряча свой предательский свет, как прячут за пазухой краденое.

Позади, на обочине, остался бетонный человек, бегущий никуда. Впереди, за грядой руин, над приземистым серым горбом — не то дотом, не то холмом с дверью — поднималась в клетчатое небо единственная на весь мёртвый город струйка настоящего дыма.

Там что-то горело. Там что-то грели.

Там были живые.

Ржавая рабица над головой гудела ровно и бесстрастно, как гудит трансформатор, — отсчитывая свет, тепло и минуты, которых у Руслана оставалось меньше, чем ему хотелось бы знать.

ГЛАВА 6. АУДИТ

Бункер прятался в подвале разрушенной панельной хрущёвки, от которой остался скелет первого этажа — рёбра перекрытий да пара оконных проёмов, глядящих в клетчатое небо пустыми глазницами. Вход был замаскирован грамотно, с пониманием дела: нагромождение бетонных плит, между ними — чёрный зев провала, в провале — куча мусора, а под мусором, если знать, куда смотреть, угадывался ржавый массивный танковый люк, вваренный прямо в арматуру фундамента.

Дверь, которую не найдёт тот, кто ищет дверь.

Пашка присел на корточки, подобрал обрезок арматуры и выбил по металлу ритм: два коротких удара, пауза, один длинный — не удар даже, а шаркающий провод железом по железу. Код. Здесь даже стук был документом с подписью.

Скрежет.

Люк дрогнул и пошёл вверх с тяжёлым маслянистым вздохом, и из отверстия ударил клуб тёплого спёртого воздуха. Он врезался Руслану в лицо, и голова закружилась — не от воню: от того, что за трое суток он впервые вдохнул воздух, в котором жили. Застарелый пот. Табак-самосад. Оружейная смазка. Сладковатый душок гнилых тряпок. Дым. Люди.

— Ныряй, — Пашка подтолкнул его к краю. — И запомни правило номер один, свежак, оно тут вместо «здравствуйте»: здесь нет пассажиров. Здесь все — экипаж. Хочешь жить — докажи, что полезен. Балласт сбрасывают. Быстро и без сожалений — у них на сожаления пайка не выделена.

Руслан нащупал скользкую от конденсата перекладину и полез вниз — медленно, одной левой, прижимая пульсирующую правую к груди. Перекладин было одиннадцать. Он посчитал их машинально, как считал всё, — и на одиннадцатой подошва единственного ботинка встала на утоптаный земляной пол.

Внизу царил полумрак.

Единственным источником света была керосиновая лампа — старая закопчённая «летучая мышь», подвешенная к потолочной балке. Её жёлтый дрожащий огонёк выхватывал из темноты угловатые тени, и тени плясали по бетонным стенам, создавая иллюзию движения там, где никто не двигался. В центре, под лампой, стояла буржуйка, в которой едва тлели угли — не грели: обозначали, что огонь здесь в принципе бывает. Вокруг, на снаряжных ящиках, сидели люди.

Руслан ступил с лестницы — и кожей почувствовал, как пространство сгустилось.

Взгляды. Тяжёлые, немигающие, они ощупывали его, как лучи досмотровых сканеров: сверху вниз, по карманам, по рукам, по единственному ботинку. Он знал такие взгляды — так на таможене смотрят на груз без документов. Оценивают не «кто ты». Оценивают «сколько с тебя можно взять и во сколько обойдётся утилизация».

И он сделал то же самое. Рефлекторно, раньше страха: провёл встречный аудит.

Помещение: бетонная коробка шесть на восемь, сухая, обжитая. Нары в два яруса — четыре спальных места на пятерых, спят посменно. Инвентарь: буржуйка, лампа, самодельный стол из двери. В углу — гора пустых консервных банок, и банки вылизаны. Не вымыты — вылизаны, до зеркального блеска, как вылизывает жёсть только очень терпеливый голод.

Активы: люди. Пятеро. Пассивы: он сам.

— Ну и кого ты нам притащил? — раздался женский голос. Звонкий — и стёртый по краям, как монета, которая долго ходила по рукам.

Из тени, отделившись от стены, вышла девушка. Короткая стрижка «под ёжик», через щеку — старый шрам, тонкий, аккуратный, почти украшение. Растянутый свитер с горлом, варёные джинсы, каких Руслан не видел с детства. В руках — перочинный ножик и деревянная

щепка: она строгала её, судя по стружке под ногами, уже давно и без всякой цели. Руки, занятые бесцельной работой, — руки, которые нельзя оставлять пустыми.

Она подошла, сощурилась на него в свете лампы — без злобы, с усталым профессиональным любопытством.

— Ну и вид у тебя, — протянула она. — Как будто алкаша из сугроба выкопали. Грязный, трясёшься... — Она заглянула ему в глаза, и взгляд у неё оказался неожиданный: умный, быстрый, каталогизирующий. Взгляд человека, который привык анализировать, а не бить. — Растерянный. Домашний. Сразу видно: не боец. Долго такие здесь не живут, парень. Тут характер нужен, а у тебя в глазах одна тоска и опись имущества.

— Свежак, — сказал Пашка, спрыгивая следом и отряхивая ладони. — Жанна, я долг закрыл. Целый, ходячий, с головой — принимай по описи. Мы в расчёте. Дальше — ваша головная боль.

В самом тёмном углу, куда свет лампы не доставал вовсе, зашевелилась гора.

Она поднималась долго — так встаёт то, что очень большое и очень экономное в движениях. Человек. Гигант в тельняшке, поверх которой был надет самодельный разгрузочный «лифчик» с подсумками, — и когда он выпрямился, его тень накрыла половину бункера, включая Руслана целиком.

Лязг.

Звук передёргиваемого затвора в этой тишине прозвучал как приговор, зачитанный без вступительной части. Гигант поднял пулемёт — тяжёлый ПКМ с потёртым до белизны цевьём — и чёрный зрачок ствола уставился Руслану в грудь. Прихватив заодно, отметил Руслан краем сознания, и Пашку: сектор огня был выбран грамотно, на двоих.

Гигант не сказал ни слова. Лицо его было неподвижно, как высеченное, — но в глазах стояла холодная, простая, зоологическая готовность, и Руслан понял без перевода: этот не будет задавать вопросов. Этот выстрелит, если ему не понравится, как кто-то дышит. И промахнуться с трёх метров из пулемёта ещё никому не удавалось.

— Спокойно, Ваня, — раздался властный голос из глубины. — Отставить. Дай поглядеть.

Из-за буржуйки вышел мужчина.

Ватник, наброшенный на плечи. Галифе, сапоги, широкий офицерский ремень со звездой на пряжке — всё ношеное до последней степени и при этом в порядке: подшито, подтянуто, на местах. Лет пятьдесят на вид — и что-то в осанке подсказывало, что «на вид» здесь ничего не значит.

Но сначала командир посмотрел не на новичка. На жёлтый лоскут, висевший у Пашки на поясе.

— Правила помнишь?

— Под крышей не надеваю, — Пашка поднял ладони, разом растеряв половину своей вихлявости.

— Вот и не надевай. Пока она на поясе — ты гость. Наденешь — станешь функцией. А в функцию я стреляю. — Сказано было без нажима, скучно, как зачитывают пункт устава, и от этой скуки веяло такой практикой, что Руслан поверил сразу и навсегда.

Пашка козырнул двумя пальцами — вихлявым, дворовым движением, — скользнул вверх по лестнице, и люк мягко лязгнул за ним. Расчёт закрыт. Ищейка ушёл в свою ночь.

Командир подошёл к Руслану вплотную, полностью игнорируя наведённый пулемёт — так ходят под своей артиллерией. Взгляд у него был цепкий, колющий, приёмочный.

— Кто таков?

— Руслан.

— Не имя спрашиваю. Звание. Часть. Документы есть?

— Гражданский.

— Год на дворе — какой был? Там, у тебя.

— Две тысячи двадцать пятый.

Что-то прошло по лицу командира — не удивление: сверка. Цифру приняли, занесли, использовали.

— Восемьдесят с гаком, — сказал он непонятно и грубовато взял руку Руслана — левую, здоровую, — повернул ладонью вверх, провёл большим пальцем по подушечкам. — Кожа мягкая. Мозолей нет. Окопа не рыл, у станка не стоял. Интеллигенция? Снабжение?

— Управляющий, — сказал Руслан. — Бизнесмен.

— Торгаш он, Клим, — вставила Жанна, не отрываясь от щепки. — По-вашему — нэпман. Или ростовщик.

— Спекулянт, значит, — Клим сплюнул на земляной пол. — Начальство. Бумажная душа. Толку от тебя здесь ноль: винтовку не удержишь, ходишь как цапля, жрать просить будешь.

Его взгляд скользнул ниже — и остановился на правой руке Руслана, замотанной чёрной от крови тряпкой. Сквозь слои ткани пробивалось слабое, болезненно-розовое свечение. Как тлеющий уголь, завёрнутый в ветошь.

Лицо Клина потемнело в одну секунду. Он отступил на полшага — не отшатнулся: именно отступил, как отступают от гранаты с выдернутой чекой, выбирая, куда падать.

— Ранен?

— Порезался. Там, в яме. Светлячок сел, пришлось...

— Не ври мне про «порезался», — жёстко оборвал Клим и сделал короткий знак; ствол ПКМ поднялся на палец выше. — Это не порез. Ты фонишь, гражданский. Ты сейчас — кусок мяса в клетке с волками, и на твою лампочку сбегутся все ищейки округи. А вместе с ними — то, от чего и ищейки бегают.

— Мне нужно перевязать...

— Ваня. Сколько у нас свинцовой ленты?

Гигант, не опуская пулемёта, медленно отнял одну руку от цевья и показал два пальца.

— Два мотка, — перевёл Клим. — Это НЗ. Неприкосновенный запас на прорыв к Эпицентру — единственная вещь в этом мире, которая гасит такую засветку. И я не буду тратить его на гражданского, который сдохнет на первом же переходе. — Он посмотрел на Руслана в упор, и в глазах его не было ни злости, ни жалости — только сухая арифметика офицера, у которого мало ресурсов и много ртов. — Уходи. Топай лесом, подальше от нашего сектора. Не хватало, чтоб нас накрыло из-за твоей иллюминации.

Руслан почувствовал, как сердце ухает вниз, в пустой желудок.

Его выгоняли. Обратно — в клетчатый мёртвый город, к струнам и бетонному Лёнке, с одной рукой, без воды, без оружия, светящегося, как новогодняя витрина. Он прикинул это как маршрут — и маршрут не строился: все ветки заканчивались одинаково, разница была только в сроках. Это смерть. Не метафора — логистическая неизбежность.

Страх качнулся и начал подниматься — и упёрся в привычку. Двадцатилетнюю, вбитую в рефлекс привычку человека, у которого срывалась не одна сотня сделок: когда позиция слабая — не защищайся. Ищи их проблему. У всех есть проблема. Найди — и ты уже не проситель. Ты поставщик решения.

Руслан начал смотреть. По-настоящему, рабочим взглядом, вторым проходом аудита.

Гора вылизанных банок в углу — раз. На столе-двери — ни крошки, ни очистка: сюда давно не приносили ничего, что имеет очистки, — два. Парень у печки — молодой, в накинутой на плечи шинели — сидел, уткнувшись носом в колени, и плечи его мелко, непрерывно дрожали; рядом лежала брезентовая сумка с выцветшим красным крестом, и руки парень держал зажатыми между колен — прятал. Три. У гиганта Ивана скулы выпирали так, что кожа на них казалась пергаментной, — четыре. А у старика в очках с перемотанной проволокой

дужкой, что весь разговор писал что-то в толстой тетради, карандаш в пальцах ходил ходуном — не от холода. От слабости. Пять.

Они голодали. Давно, жёстко, по-настоящему — и держали строй из последнего.

— Я не уйду, — сказал Руслан.

Ствол ПКМ сместился на ладонь. Теперь он смотрел Руслану в лицо.

— Ты плохо расслышал приказ? — тихо спросил Клим.

— Вы голодаете, — быстро, ровно, переговорным темпом сказал Руслан. — Банки в углу вылизаны — не вымыты, вылизаны. На столе неделю не было еды. Ваш пулемётчик потерял килограммов пятнадцать от боевого веса — разгрузка сидит на нём, как с чужого плеча, а шил он её по себе. Вы все двигаетесь по короткой траектории — экономите калории. У вас ноль припасов и, судя по тому, как вы на меня смотрите, ноль идей.

— А ты глазастый, — Жанна перестала строгать. Нож замер в её пальцах. — И что дальше, глазастый? Накормишь нас? Из рукава?

— Мы искали, — глухо сказал парень у печки, не поднимая головы. Голос у него был молодой и стёртый. — В округе пусто. Все подвалы перерыли, все точки. Вычищено ещё до нас. Годы назад.

— Или вы искали не там.

— Самый умный выискался? — Клим шагнул к нему, и рука его легла на кобуру — жёлтую, командирскую, с тяжёлым содержимым. — Тут война, лавочник. Тут снабжение не работает. Тут жрут то, что найдут, а находят то, что плохо спрятано.

— Снабжение работает всегда, — сказал Руслан. — Даже на войне. Особенно на войне: армия без подвоза кончается за трое суток, это знали ещё до вашего призыва. Значит, где-то в этом секторе есть узлы, склады, брошенные плечи подвоза. Думаю, я могу помочь их найти.

— Чем? — Клим не снимал руки с кобуры. — Ты карту читать умеешь? Минные поля знаешь? Может, ты у нас сапёр в пиджаке?

И в этот момент из дальнего угла — самого тёмного, куда «летучая мышь» не доставала вовсе, — донеслось бормотание.

Руслан только теперь разглядел: там, у стены, сидел человек. Неподвижный, прямой, с закрытыми глазами. На голове — огромные наушники от танковой радиостанции, и провод от них уходил не к рации.

Провод уходил в стену. Вмурованный в бетон, вросший, как корень.

— ...ноль-восемь... отбой... Б-двенадцать... пусто... возврат... семь-девять... запрос...

Голос был ровный, монотонный, без единой человеческой интонации — так читает цифры машина, которой всё равно.

— Кто это? — тихо спросил Руслан.

— Высосанный, — старик в очках впервые оторвался от тетради. Голос у него оказался мягкий, учительский, с той особой чёткостью, с какой говорят люди, привыкшие диктовать. — Бедняга. Нашли его таким три цикла назад — уже с проводом. Он служит антенной: ловит эхо. Обрывки эфира, память, мысли Майора — я, признаться, до конца не разобрался, что именно. Он не спит. Никогда. Мы кормим его с ложки, и он глотает, не прерывая... вот этого. Мы пытались засечь по его цифрам хоть что-то полезное, но там бред: квадраты, запросы, отказы...

Руслан сделал шаг к радисту. Ствол пулемёта повёл за ним, как стрелка компаса, — он не обратил внимания. Он слушал.

— ...квадрат В-четыре... заявка... отказ... переполнение... возврат на базу... — бубнил Высосанный. — ...заявка... отказ... переполнение...

Что-то щёлкнуло. Знакомое. Родное до дрожи.

— Слышите? — Руслан обернулся. — «Заявка. Отказ. Переполнение. Возврат». Это же связка. Это не бред — это регламент.

— Отказали в поддержке, — буркнул Клим. — Обычное дело на войне.

— Нет. Это не про огонь. Это диспетчерская, — Руслан говорил всё быстрее, чувствуя, как впервые за четверо суток встаёт на свою землю. — Я двадцать лет слушаю такие переговоры. Так говорят, когда склад забит под завязку и машины разворачивают от ворот, потому что некуда сгружать. Заявка на выгрузку — отказ — переполнение — возврат на базу. Классический затор. — Он повернулся к стене, где углём была начерчена карта: сетка квадратов, кресты, штриховка. — У вас В-четыре помечен жирным крестом. Что там?

— Передовая, — сказал Клим. — Мясорубка. Туда не ходят.

— Значит, там пробка. Логистический тупик: туда всё везут, но принять не могут. И система, — он кивнул на бормочущего радиста, — прямо сейчас, восемьдесят лет подряд, ищет, куда сбросить груз, чтобы не гнать машины назад под удар.

— ...маршрут С-два... малая тяга... — вдруг отчётливо, будто дождавшись реплики, произнёс Высосанный.

Руслан ткнул пальцем в карту:

— С-два. Что здесь?

Старик уже был рядом — быстрее, чем позволяла его слабость. Он поправил очки, поднёс к стене зажигалку; крошечный огонёк осветил квадрат.

— Судя по топографии сорок второго... частный сектор. Сады, огороды, овраги. Ни дорог, ни объектов.

— Там грязь, — возразил Клим. — Танк пройдёт, грузовик сядет по оси. Мы туда не совались — ловить нечего.

— Вот именно! — Руслан повысил голос, и голос впервые за четверо суток слушался. — «Малая тяга». На диспетчерском это лёгкий транспорт, малый тоннаж. Какой лёгкий транспорт ходил у вас в сорок втором?

— Полуторка, — старик произнёс это слово, как произносят имя. Зажигалка в его руке дрогнула. — ГАЗ-АА. Полторы тонны. Одиночная машина... которую загнали с дороги в сады — переждать налёт. В тупик, под ветки, где с воздуха не видно.

— И забыли, — тихо закончил Руслан. — Потому что радиста, который знал, где она стоит, убило. Или потому что фронт сдвинулся. Если бы я был диспетчером и мне нужно было спрятать машину со снабжением, пока на станции завал, — я бы загнал её именно туда. В самую неочевидную дыру. Где никто не ищет, потому что искать «нечего».

Клим замер. Он смотрел на карту — на жирный крест В-четыре, на пустой квадратик С-два в двух пальцах от него, — и Руслан видел, как за колючими глазами командира идёт своя, быстрая штабная работа: маршруты, риски, часы.

Идея была простой. И до обидного, до оскорбительного логичной — как всё, мимо чего ходят годами.

— Загнать полуторку в частный сектор, — пробормотал Клим. — Под навес. И потерять, потому что бумага сгорела, а голова, которая помнила, легла... — Он осёкся и посмотрел на Руслана тяжело, по-новому. — Это догадка, лавочник. Гадание на кофейной гуще.

— Это гипотеза, — поправил Руслан. — Я не военный, воевать не умею и не полезу. Но в снабжении так бывает всегда и везде: когда узел встал, груз сбрасывают в дыру. Проверка стоит один переход. И давайте зафиксируем условия сделки, командир, раз уж мы торгуемся. — Он выпрямился, насколько позволяла гудящая рука, и произнёс отдельно, как диктуют протокол: — Если квадрат пуст — я ничего не стою, и вы теряете полдня. Если там еда — вы даёте мне свинец, перевязку и место у печки. Оплата по результату. Риск поставщика.

В бункере повисла тишина. Потрескивали угли. Бормотал в своём углу Высосанный: «...заявка... отказ...»

Старик поднял голову от карты, и за стёклами его очков горело такое, чему Руслан не сразу подобрал слово, — а подобрав, удивился: надежда. Голодная, недоверчивая, почти болезненная. Жанна стояла, забыв про щепку, и смотрела на Руслана с новым выражением — так

смотрят на предмет, который при переоценке оказался дороже заявленного. «Смотри-ка, — сказала она негромко, ни к кому. — Под стволом торгуется. Условия выставляет».

Иван — гигант Иван, гора Иван — медленно, с оттяжкой, опустил пулемёт стволом в пол.

Клим молчал ещё три секунды — Руслан считал. Потом кивнул. Один раз, коротко, по-военному: решение принято, обсуждение закрыто.

— Ваня. Выдай ему свинец. Один моток.

Гигант отставил пулемёт к нарам — бережно, как ставят ребёнка, — подошёл, накрыв Руслана тенью, вынул из подсумка тяжёлый тускло-серый рулон и с силой впечатал его в здоровую ладонь. В этом жесте было всё сразу: выдал, запомнил, спрошу.

Лента оказалась мягкой, холодной, неожиданно послушной. Руслан разматывал её тут же, у печки, и стал наматывать на правое запястье, выше повязки, виток к витку, — и с каждым витком розовое свечение под тряпкой глохло, тускнело, уходило внутрь, как уходит под пепел уголь. На последнем витке рука перестала светиться совсем. Осталась просто рука. Просто боль. Роскошь по здешним меркам.

— Спасибо, — выдохнул он.

— Не за что, — отрезал Клим. — Спасибо в НЗ не положишь. Сергей! Хватит греть колени — перевяжи человека. По-настоящему перевяжи, ты умеешь, я видел.

Парень у печки поднял голову — молодое, серое, измученное лицо, глаза больного, который сам себе врач и сам себе диагноз, — и потянулся к брезентовой сумке с выцветшим крестом. Руки его дрожали крупно, стыдно, на весу.

А потом он открыл сумку, достал бинт, взял запястье Руслана — и дрожь ушла. Вся, сразу, как выключили. Пальцы стали точными, быстрыми, экономными: разматывать, осмотреть, не поморщиться, промыть из фляги, наложить, зафиксировать. Руки, которые в покое ходили ходунком и твердели только над чужой болью.

Руслан отметил это. Молча. В опись.

— И ты идёшь с нами, управляющий, — сказал Клим, снимая с гвоздя ППШ и вешая его на плечо привычным, тысячекратным движением. — Покажешь свой квадрат сам. И молись своей логистике, чтобы не подвела: сделку ты предложил правильную, честную. Оплата по результату.

Он обернулся уже от лестницы, и в колющих глазах его мелькнуло что-то почти похожее на юмор — окопный, чёрный, выдержанный.

— А результат здесь один из двух.

ГЛАВА 7. ОПЕРАЦИЯ «ТУШЁНКА»

Время в этом мире не текло — оно сочилось, как густая чёрная патока сквозь дырявое сито. Если верить хронометражу Валентина Петровича — а тот вёл его в тетради, сверяя по проявкам и по ударам собственного пульса, — шёл четвёртый час условного утра. Но здесь, под землёй, в сыром бетонном чреве, «утро» было бухгалтерской условностью. Существовало только время бодрствовать и время проваливаться в тяжёлое липкое забытьё, и границу между ними назначал командир.

Руслан не спал.

Он лежал на боку на голом пружинном остоле кровати, подтянув колени к животу, сохраняя крохи тепла, как сохраняют последние деньги. Старый, протёртый до дыр ватник, который ему молча швырнул кто-то из старожилов, пах плесенью и чужим застарелым потом — и это было лучше, несравнимо лучше ледяного сквозняка, гулявшего по полу.

Правая рука, замотанная в свинцовую ленту, лежала рядом чужеродным предметом. Свинец был холодным, мёртвым, глухим — а под ним, в глубине изувеченной плоти, жила своей жизнью рана: пульсировала жаром, толкалась в металл, как толкается в дверь тот, кого заперли. Странное ощущение — словно держишь в ладони раскалённый уголь, обернутый фольгой: кожу не жжёт, но жар течёт внутрь, по венам, и отдаётся в плечо тупой ноющей ломотой.

Металлический стук разорвал тишину.

Клим прошёл вдоль лежбищ, постукивая прикладом по железным стойкам нар. Звук был негромкий и невыносимый — вибрирующий, он шёл не в уши, а сразу в зубы.

— Подъём, экипаж. Смена караула. Выход через двадцать минут.

Голос командира был сухим и шершавым, как наждак. В нём не было ни грамма сна — казалось, этот человек вообще не закрывал глаз, а на ночь просто убавлял в себе фитиль.

Руслан сел, морщась от боли в затёкшей спине. Хрустнул каждый сустав по очереди, как переключки. Он опустил ноги на земляной пол: правая скользнула в дорожку, безнадежно погибшую туфлю со сморщенной от сырости кожей. Левая повисла в воздухе. Второго ботинка не существовало уже четверо суток.

— Эй, управляющий, — окликнул Клим. — Лови.

В грудь прилетел тяжёлый предмет — Руслан едва поймал его левой.

Кирзовый сапог. Старый, с отбитым каблуком, с голенищем, срезанным наполовину; подошва подбита деревянными гвоздиками, стёртыми до блеска.

— С мертвеца сняли, неделю назад, — пояснил Клим, затягивая ремень со звездой. — Не морщись: мертвецу без надобности, а тебе ходить. Размер великоват, зато не босиком. Портянки мотать умеешь?

— Нет, — честно сказал Руслан, вертя в руках грубую, пахнущую дёгтем тряпку. Тряпка была чистой — единственная чистая вещь в этом бункере, и он догадывался, что это не случайность, а уклад.

— Ясно. Интеллигенция...

Клим шагнул было к нему — но его опередила тень.

Иван.

Гигант подошёл бесшумно, как умеют только очень большие и очень старые звери. Опустился перед Русланом на одно колено — от него пахло железом, оружейным маслом и махоркой, — молча взял его ступню в ладонь, огромную и жёсткую, как совковая лопата, и толстыми пальцами, тремя точными движениями, обернул её портянкой. Кокон вышел идеальным — ни складки, ни слабины. Иван натянул сапог одним усилием, встал ладонью на носок, проверяя посадку.

Руслан и пикнуть не успел. Сапог сел как влитой.

Гигант поднял голову. В глазах под тяжёлыми бровями не было ни заботы, ни тепла — только холодная функциональность, читавшаяся отчётливее всякой речи: «Тебе идти. Натрёшь ногу — станешь обузой. Обузу я пристрелю». Иван выпрямился и так же беззвучно отошёл в тень, к пулемёту.

— Спасибо, — пробормотал Руслан в пустоту. Пустота не ответила, но, кажется, приняла к сведению.

— Собираемся, — Жанна уже была на ногах: натягивала куртку, охлопывала карманы быстрым, вороватым, точным движением. — Ну что, коммерс? Не передумал в логиста играть?

— Нет.

— Гляди. Приведёшь нас в пустой огород — я тебе этот сапог на уши натяну. Оба.

Она сказала это без злобы — с усталой, дежурной агрессией уличной девчонки, для которой наезд был не угрозой, а способом здороваться. Руслан отметил и это.

Сергей суетился у своего рюкзака: перекладывал, звенел стеклом, пересчитывал что-то в третий раз. Руки его тряслись мелкой противной дрожью, и он то и дело проводил ладонью по лицу, стирая несуществующую паутину. Очков на нём не было — разбил давно, судя по привычке щуриться, — и без очков лицо у него было незащищенное, как у всех близоруких.

Валентин Петрович аккуратно заворачивал свою тетрадь в полиэтиленовый пакет — углы к углам, дважды, — и укладывал в вещмешок так, как укладывают то, что дороже еды. Для него это и было дороже еды: Руслан уже понял, что старик скорее отдаст свой паёк, чем страницу.

— Выход, — скомандовал Клим. — Порядок движения: Иван — головной дозор, дистанция пять метров. Я замыкающий. Гражданские в центре. Управляющий — не отставать, под ноги смотреть, руку прятать. Свинец свинцом, а фонишь ты всё равно. Для нюхачей — как дым от полевой кухни.

— Понял.

Руслан натянул рукав пальто на свинцовую обмотку. Рука оттягивала плечо, будто к ней привязали гирию, — но гирия молчала, и молчание её было куплено дорого.

Клим навалился плечом на люк.

Снаружи их встретил не рассвет — вязкая серая хмарь. Мир утонул в тумане: не в лёгкой утренней дымке, а в плотной, тяжёлой взвеси, пахнущей мокрой извёсткой, гнилой листвой и озоном — так пахнет воздух у трансформаторной будки в дождь, воздух, в котором что-то работает.

Холод пролез под одежду мгновенно и по-хозяйски.

— Куда? — коротко спросил Клим.

— Квадрат С-два, — Петрович поправил лямку. — Ориентир — старая голубятня. Северо-запад, через балку.

— Двинули. Тихо. Слушать воздух.

Они шли через то, что было когда-то частным сектором, а стало кладбищем домов. Скелеты печных труб торчали из земли чёрными пальцами. Гнилые заборы, поросшие серым мхом, лежали и стояли вперемешку, как костяшки домино после чужой партии. Под ногами хлюпала жирная, чавкающая грязь, замешанная на битом кирпиче и осколках шифера.

Руслан в своём разнокалиберном комплекте — туфля на правой, кирзач на левой — двигался неуклюже, враскачку, как гружёная баржа. Каждый шаг давался со счётом: раз — вытащить ногу из грязи, два — не потерять туфлю, три — не задеть рукой. Он смотрел в спину Жанне: она шла легко, пружинисто, перепрыгивая лужи по одной ей видимым камням, — в ней была привычка к этому миру, наработанная моторика выживания. У него такой не было. Он чувствовал себя офисной бактерией, попавшей в чашку Петри с антибиотиком.

И вдруг Иван, идущий впереди, замер.

Это была не остановка — окаменение: гигант застыл на полушаге, всей массой, мгновенно, как останавливается пресс. Потом медленно, очень плавно поднял левую руку, сжатую в кулак.

Группа встала как вкопанная. Инстинкт, который Руслан только начинал наживать, сработал раньше мысли: замри или умри.

Клим бесшумно опустился на колено, ствол ППШ ушёл в серую мглу.

— Что там? — одними губами спросил Руслан, придвигаясь к Сергею.

Медик был белым как мел. Губы его дрожали.

— Санитар... — выдохнул он еле слышно. — Стиратель.

Руслан вгляделся в туман. Сначала — ничего, серая муть. Потом глаза поймали движение. Неправильное движение: так не движется ничто живое и ничто механическое.

Метрах в сорока, у развалин кирпичного сарая, искажалось само пространство.

Там не было тела. Там был сгусток битых пикселей — дрожащее марево, статические помехи в ненастроенном телевизоре, собранные в форму приземистого зверя: не то огромной собаки, не то ящера. Контур его непрерывно плыли, менялись, рассыпались на зёрна и собирались заново, словно мир никак не мог решить, что именно он видит, и решал восемьдесят лет.

Существо двигалось рывками — без промежуточных положений, кадрами. Оно ткнулось «мордой» — воронкой из шума, где морде положено быть, — в кучу гнилых досок.

«Пш-ш-ш...»

Тихий, шипящий, канцелярский звук — так работает ластик по бумаге.

И доски исчезли.

Не рассыпались. Не сторели. Их стёрло: на месте кучи осталась идеально ровная, гладкая, вылизанная проплешина серой земли — ни щепки, ни тени, ни памяти о том, что здесь что-то лежало. Абсолютная, аккуратная пустота с ровными краями.

— Он ест материю, — прошептал Петрович, и в шёпоте его был ужас особого рода — ужас учёного, у которого на глазах нарушают закон сохранения. — Удаляет геометрию. Младший класс, санитары... Они подъедают то, что остаётся после реконструкций. Мусорщики мира. Они слепые.

— Заткнитесь, — процедила Жанна одними зубами. — Слепые. Зато на звук — как по нитке.

Стиратель поднял «голову».

Глаз у него не было — но Руслан физически, кожей, ощутил, как невидимый луч прошёл по ним: медленно, полосой, как проходит по стеллажам сканер инвентаризации.

И правая рука под свинцом начала печь.

Сначала теплом. Потом — жаром: рана реагировала, свет, запёртый под металлом, забился, заходил, чуя родню — или врага, — и свинец на запястье стал ощутимо тёплым.

Руслан стиснул зубы до хруста и согнулся, прижимая руку к животу, гася её собой.

«Не сейчас. Только не сейчас. Тихо, тихо...»

Тварь издала звук — не рык: скрежет металла по стеклу, от которого заныли пломбы. И повернулась в их сторону. Она не видела их. Она чувала аномалию — тёплую, светящуюся, неправильную, — и перебирала туман, сужая сектор.

Жанна медленно, без единого резкого движения, опустилась к земле. Нашупала камень — гладкий, с кулак. Выпрямилась так же плавно. И швырнула — сильным, хлёстким, поставленным броском — далеко вправо, в заросли ржавого кустарника.

ДЗЫНЬ.

Камень угодил в железо — звон в тумане прозвучал выстрелом.

Стиратель исчез.

Он не побежал — он глюкнул: мигнул в одной точке и возник в другой, в сорока метрах, точно там, где упал камень. Мгновенно. Без траектории. Куст, принявший камень, зашипел и начал растворяться — ветка за веткой, аккуратно, по контуру.

— Бегом, — рывкнул Клим шёпотом, если так бывает. — В овраг! Живо!

Они сорвались. Руслан бежал, не чувствуя ног, задыхаясь, ломаясь через корни; тяжёлый сапог тянул вниз, сердце стучало в горле, и страх был особенный, новый, липкий: он понимал — если эта тварь коснётся его, он не умрёт. Смерть — это когда от тебя что-то остаётся. Его — сотрут. Как ошибку в ведомости. С ровными краями.

Они скатились в овраг, поросший жёсткой чёрной травой, и вжались в глинистый склон.

Тишина. Только хриплое дыхание пятерых — и его, шестое, самое хриплое.

Иван выдохнул носом — тяжело, длинно — и опустил ствол пулемёта. Он не сказал «ушёл». Он вообще ничего не сказал. Но жест был красноречивее рапорта.

Дальше шли дном оврага, минут пятнадцать, и глина налипала на подошвы пудовыми гириями. Наконец Петрович остановился, вытер пот грязным рукавом:

— Здесь. Поднимаемся.

Они вскарабкались на кромку.

Перед ними лежал пустырь: перекрёсток двух грунтовых дорог, размытых дождями до состояния траншей. Посреди перекрёстка — покосившийся телеграфный столб с оборванными, свисающими до земли проводами. Поодаль — старая полуразрушенная голубятня, серый скворечник-переросток на четырёх ногах.

— Квадрат С-два, — констатировал Петрович.

— Время? — спросил Клим.

— Четыре ноль пять. По моему счёту.

— Принято. — Клим повернулся к Руслану, и в его взгляде стояло рабочее, злое напряжение. — Ну, управляющий? Мы на месте. Где твой конвой? Вокруг ни души. Ветер и вороны. Даже ворон нет.

Руслан огляделся. Пустырь выглядел мёртвым — образцово, безнадежно мёртвым: ни следа шин, ни звука мотора, ни единого признака, что здесь за восемьдесят лет проехало хоть что-то тяжелее тумана.

Сомнение кольнуло под сердце ледяной иглой. А если он ошибся? Если «маршрут С-два» — просто судорога сгоревшего эфира, бред вмурованного в стену человека, а он привёл пятерых голодных людей на пустырь, поставив на кон единственное, что имел, — кредит доверия размером с один переход?

— Ждём, — сказал он, следя, чтобы голос не дрогнул. — В логистике бывают задержки. Дороги размыты. Груз, который едет восемьдесят лет, имеет право опоздать на час.

— А если это фантом? — подал голос Сергей. Он сидел на корточках, обхватив колени. — Ну проедет мимо... призрак. Голограмма. Мы же его руками не возьмём.

— Если есть поставка — есть вес, — упрямо повторил Руслан свою теорию, в которую сейчас верил процентов на шестьдесят и держал лицо на все сто. — Пустоту не возят. Пустоту не прячут от налётов. Раз машину загнали в тупик и берегли — в кузове что-то, имеющее массу.

— Философия, — Клим сплюнул. — Ладно. Проверим философию физикой. Ваня! Бревно!

Иван понял без расшифровки. Он подошёл к лежащему у канавы старому телеграфному столбу — брату-близнецу стоящего, — обхватил его, крикнул, вздвигая спину, и рывком, одним длинным усилием, поднял пропитанную креозотом тяжесть. Пронёс. И с глухим стуком уложил поперёк дороги, перекрыв колею.

— Засада готова, — прокомментировала Жанна, устраиваясь на корточках в траве. — Поедет кто — споткнётся. Не поедет — хоть посидим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.